

Александр

Шойхет

**Легенда
о лесорубе**



современные еврейские сказки и истории

Александр Сергеевич Шойхет
Легенда о лесорубе.
Современные еврейские
сказки и истории
Серия «Новая классика (Э.РА)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29414520

*Александр Шойхет. Легенды о лесорубе. Современные еврейские сказки и истории: Летний сад; Москва; 2018
ISBN 978-5-98856-299-3*

Аннотация

Настоящее издание включает в себя малые прозаические произведения писателя. Читая книги Шойхета, мы перемещаемся во времени и пространстве, но нигде нас не покидает очень важная сквозная тема, которую встретишь не у каждого еврейского писателя, – вопрос о человеческом достоинстве еврея, как отдельного, так и всего народа в целом. Разумеется, тема эта неотделима и от темы человеческого достоинства вообще любого человека, живущего на Земле. Некоторые рассказы могут стать подлинным откровением – таков, например, рассказ «Панжид», где буквально в нескольких словах, словно мазком кисти импрессиониста, автор доказывает и неизбежность, и трагичность участия евреев в российской революции 1917 года...

Можно прочитать на эту тему много исторических исследований – и это ничего не даст. И лишь талантливый писатель может достучаться до сердца читателя простым документальным рассказом... Подлинным откровением для меня лично стал и рассказ «Легенда о лесорубе»: не хочется в который раз повторять слово «трагедия», поэтому добавлю и другие слова: совесть, честность перед собой, истинная праведность души героя... (Э. Ракитская, член Союзов писателей Израиля, Москвы и Иерусалима.)

Содержание

Об авторе	7
Хозяин и кот	10
Картина первая	10
Кот	10
Хозяин	12
Картина вторая	15
Кот	15
Хозяин	18
Картина третья	20
Кот	20
Картина четвертая	27
Хозяин	27
Кот	29
Картина пятая	39
Хозяин	39
Картина шестая	44
Кот	44
Картина седьмая	50
Хозяин	50
Картина восьмая	60
Хозяин и кот	60
Хозяин	60
Кот	65

Живу надеждой	68
Мой золотой Иерусалим	77
Стрельба из пистолета по движущейся цели	91
Путешествия странного человека	100
Глава первая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александр Шойхет
Легенды о лесорубе.
Современные еврейские
сказки и истории
Рассказы.
Драматургия. Поэзия

© Александр Шойхет, 2018

Об авторе

А. Шойхет – москвич, выпускник Литературного института им. Горького, активный участник демократического и еврейского национального движения конца 80-х годов в Москве. Еще раньше, в конце 70-х, он преследовался КГБ по обвинению в «распространении клеветнических измышлений о советском строе». В 1990 году репатриировался в Израиль.

Александр Шойхет – известный и признанный израильский писатель, член Союза русскоязычных писателей Израиля, автор нескольких книг, лауреат премии им. Ю. Нагибина Союза русскоязычных писателей Израиля, а также номинант на престижные литературные премии: «Русский Букер», «Новая словесность», «Русская премия», премия им. Бунина.

А издательстве «Э.РА» были изданы его романы: в 2006 году – первое издание романа «Витражи» (в серии «Русский роман. 21 век», в 2012 – второе издание романа «Витражи» в той же серии; в 2009 – роман «Агасфер» (в серии «Новая классика»). В 2016 году была издана книга публицистики «Когда горит твой дом». Кроме того, на портале Литрес можно найти его книгу «Избранное» (электронное издание), куда вошли два романа и рассказы.

Биографию писателя отчасти можно проследить по его

произведениям, однако не стоит думать, что он пишет о себе. Книги А. Шойхета – как произведения любого незаурядного писателя – это портрет поколения.

Творчество А. Шойхета не только раскрывает трагическую судьбу российского еврейства 20 века, но и уводит нас в прошлое и будущее еврейского народа. Фантастика переплетается с реальностью, автобиографические детали – со свидетельствами целой эпохи, и даже не одной (недаром судьба героя романа «Агасфер» начинается в крепости Масада, а заканчивается на «крыше» одного из домов Южного Тель-Авива)...

Настоящее издание включает в себя малые прозаические произведения писателя.

Читая книги Шойхета, мы перемещаемся во времени и пространстве, но нигде нас не покидает очень важная сквозная тема, которую встретишь не у каждого еврейского писателя, – вопрос о человеческом достоинстве еврея, как отдельного, так и всего народа в целом. Разумеется, тема эта неотделима и от темы человеческого достоинства вообще любого человека, живущего на Земле. Некоторые рассказы могут стать подлинным откровением – таков, например, рассказ «Пан-жид», где буквально в нескольких словах, словно мазком кисти импрессиониста, автор доказывает и неизбежность, и трагичность участия евреев в российской революции 1917 года... Можно прочитать на эту тему много исторических исследований – и это ничего не даст. И

лишь талантливый писатель может достигаться до сердца читателя простым документальным рассказом... Подлинным откровением для меня лично стал и рассказ «Легенда о лесорубе»: не хочется в который раз повторять слово «трагедия», поэтому добавлю и другие слова: совесть, честность перед собой, истинная праведность души героя...

Одним словом, читателя, еще не знакомого с писателем Александром Шойхетом, ждут открытия...

Э. Ракитская, член Союзов писателей Израиля, Москвы и Иерусалима

Хозяин и кот

Драма для театральной постановки или Киносценарий

Картина первая «Утро туманное...»

Кот

Светает. Рисунки на обоях и все предметы в комнате постепенно становятся четкими, приобретая свой дневной вид. Люди почему-то думают, что мы ночью видим окружающий мир так же, как и при свете дня. Люди ошибаются. Мы **видим** достаточно хорошо, чтобы не налететь на выступ шкафа или стул, но и для нас ночной мир так же зыбок и загадочен, и наполнен странными звуками. И предметы в доме, деревья, и кусты и трава на улице, – все окружающее становится расплывчатым, меняет очертания, краски, пугает и манит.

В нашей комнате перед рассветом особенно холодно. Даже я, хотя и закутан в превосходный теплый мех, то есть в собственную шкуру, все же ощущаю эту осклизлую утрен-

нюю мерзость. И всякий раз от души жалею Хозяина, вынужденного каждое утро голым бежать в ванную! Зачем это ему – никак не могу понять! Я же чувствую, как ему не хочется вылезать из теплой, нагретой за ночь постели, выскакивать в этот заиндевелый мир, да еще окатывать себя холодной водой, приплясывая и напевая при этом совершенно дурацкую песню: «Физкульт – ура! Физкульт-ура-ура-ура, будь готов!» Я понимаю, он просто взбадривает себя, пересиливает, а я всякий раз преклоняюсь перед его истинно человеческой волей, перед его всемогущим умением наступать на собственный хвост и при этом изображать бог знает что! Разумеется, я каждый раз ощущаю свою неполноценность, ведь ни я, ни кто-либо из моих собратьев не способен на такое. НО это неприятное чувство не мешает мне любить Хозяина. Правда, он не всегда разыгрывает из себя весельчака, особенно в последнее время. Тогда он встает медленно, сидит на тахте, закутавшись в дополнительную шкуру со странным названием «одеяло», сгорбленный, со всклокоченной на голове шерстью, и в глазах его такая тоска, что хочется подойти и погладить его по этой взъерошенной шерсти, и сказать на его человеческом языке что-нибудь доброе. НО, увы, я не умею успокаивать по-людски, только трусь и мурлычу, трусь и мурлычу, а он сидит, глядя в пространство, и молчит, и дышит тяжело, со свистом и скрипом внутри, а я ничем не могу ему помочь.

Но сегодня (я знаю!) он вскочит и помчится в ванную, и

будет с ревом окатываться ледяной водой, и опять будет его дурацкое «физкульт – ура!», и наверняка он наступит мне на хвост и будет весело ругаться, а потом будет извиняться за пустой холодильник и за то, что ему нечем меня накормить. И скажет свое знаменитое: «Ну, подожди, Блохастый, потерпи до вечера. А уж вечером...». А вечером Хозяин притащит полную сумку вкусных вещей, потому как у Хозяина (и у меня, разумеется) сегодня большой **праздник**. Сегодня у моего Хозяина ПОЛУЧКА!

Очень немзыкальное название. И означает оно, что где-то там, очень далеко, в большом странном мире, где Хозяин живет и действует без меня, ему дадут сегодня целую кучу разноцветных бумажек, на которые он купит много вкусной еды. И сегодня вечером мы наконец-то после недельного перерыва, наедемся до отвала... Ну вот, зашевелился. Все, он встает!

Хозяин

– Ч-ч-ч-ер-рт! Ну и холодильник в комнате! Мерзость! Сволочи! Октябрь на дворе, а топить не желают! Не положено, видите ли... Моссовет не велит. А у тех, кто не велит, тоже такой холодильник в апартаментах? И-и-э-э-х-х! Физкультура! Физкульт-ура-ура-ура – будь готов! Когда настанет час бить клопов! И все границы ты запирай – правый край, левый край, не зевай! У-у-у-у! Ну и вода! Закаляйся,

э-э-х! Фу-у... Все, успел! Поехали, шеф... У меня проверка
на работе... Поехали!

Картина вторая

«На улице дождик...»

Кот

...Вот захлопнулась за ним дверь, и опять впереди длинный тоскливый день, день без Хозяина. Раньше, когда я был совсем маленький, каждый день был для меня как ночлег в сугробе, и всякий раз я думал, что не доживу до вечера, так это было безнадежно долго. Потом я подрос и привык. Я понял – Хозяин не может все время сидеть дома, и даже не потому, что подобно остальным двуногим он должен работать, чтобы не умереть с голоду, и не замерзнуть, нет, не потому!

Мой Хозяин – бродяга. Он постоянно рвется куда-то, и я его понимаю, потому как я и сам такой же. Но... Хозяин уходит, а я остаюсь и **жду**. Иногда я думаю, что зря Хозяин не выпускает меня на улицу. Я понимаю – он просто боится за меня, боится, что я потеряюсь, не найду дороги к дому или меня задавит одно из этих мертвых, громоздких, испускающих грохот и зловоние существ, называемых «машинами». Хозяин боится меня потерять. Когда-то давно, когда меня еще не было, у Хозяина была другая жизнь. Что это такое, я представляю довольно смутно, только со слов Хозяина. Там была какая-то женщина, которой я обязан своей

странной и обидной кличкой. Там был маленький человек – сын Хозяина. Там был просторный теплый дом и много полезных, нужных предметов и вещей. В той жизни не было у моего Хозяина хрипов внутри и отвратительного кашля по ночам, одышки и тоски в глазах по утрам, не было пустого холодильника и сырых, голых стен.

«Эх, Блохастый, – говорил он мне, – вот ведь все у дурака было. И хороший теплый дом, и женщина не хуже многих, и сын, милый сорванец, а дурак все искал чего-то, бродил по свету, думал – может, чего лучше есть... И набрел...». Что Хозяин имел ввиду, я тогда еще не понимал, только потом, когда случайно увидел, как Хозяин достал из стола одну **фотографию**. Но я не хочу вспоминать об этом. У меня остались какие-то смутные очертания, тени в памяти. Но что такое память? Это всего лишь человеческое слово, услышанное от Хозяина, как и множество других слов. И все же я **помню** то далекое ощущение тепла, исходившее от огромного мохнатого ковра, от таких же мохнатых стен, от высоких громоздких блестящих предметов, пахнувших чем-то приятным. И возглас маленького человечка: «Мама! Смотри! Котенок! Совсем маленький... Красивый какой!» Маленького человека звали Игорь. Людям почему-то обязательно надо давать всему, что их окружает, странные названия, которые совсем не отражают их сущности. Звуковое сочетание «И-горь» очень резкое, жесткое и совсем не подходило этому светлошерстому, доброму и веселому существу.

Мы с ним очень подружились, и от него я получил свое **первое** имя, очень мягкое и благозвучное – Тимофей. Да, это мое настоящее имя. А дурацким прозвищем «Блохастый» я обязан той женщине с резким голосом. Я почти не помню, как она выглядела, она была мамой Игоря, и вначале тоже обрадовалась моему появлению, но потом взяла меня на руки и увидела... Ну да, этих маленьких черных прыгунов, досаждавших мне тогда. Потом Хозяин полоскал меня в горячей воде с какой-то гадостью и вывел шустрых мерзавцев начисто, но дурацкая кличка прилипла, я стал не нее откликаться, привык, и теперь даже не обижаюсь. «Не обижайся, Блохастый, – шутит Хозяин, – так всегда и бывает на свете. Даже когда отмоешься добела, тебе всю оставшуюся жизнь будут припоминать юношеских мондавошек...»

Что он имеет ввиду, я не совсем понимаю, но, должно быть, это нечто неприятное. Если все это правда, то грустно жить на этом свете, но я все же надеюсь, что Хозяин просто, как он говорит, валяет дурака. В сущности он добрый и веселый, мой Хозяин, но **снаружи** это не заметно, особенно тем, кто его плохо знает. Это надо **чувствовать!** А люди, за редким исключением, потрясающе тупы по части чувств.

Даже эти милые, веселые и приятно пахнущие существа с музыкальными интонациями нежных голосов, которые время от времени появлялись в квартире Хозяина, в нашем с ним жилище. Может быть, поэтому мой Хозяин так одинок?

На улице идет мелкий частый дождь. С большой реки тя-

нет запахом гнилого тумана и мне совсем не хочется сегодня на улицу. Вот весной – другое дело, но, когда она теперь будет, весна? Когда на улицы и дома ложиться такая серая безнадежная пелена, а внизу, в грязи, копошатся маленькие люди и мокрошерстные собаки носятся без толку, и каркают вороны, тогда мне хочется завывать подобно какому-то паршивому псу, или заплакать совсем по-человечески, как плакал маленький Игорь, обильно заливая щеки соленой водой. Однажды я лизнул его и узнал вкус человеческих слез. Но нам не дано такого освобождения от внутреннего горя. Мы можем только тихо жаловаться на жестокую судьбу, на равнодушие огромного мира, на тупую злобу двуногих.

На улице дождик... Как там мой Хозяин? Не обижают ли кто его? Его ведь так легко обидеть. Он только с виду такой грозный, а на самом деле... Да-а-а, пустовато в животе. Неплохо бы сейчас чего-нибудь съесть, рыбки там или кусочек мяса. Когда же он вернется?

Хозяин

Уф! Как тяжело... Что-то я совсем стал сдавать. Всего-то квартал пробежал... Фу... Одышка... А ведь совсем недавно еще ничего такого не было. Бегал, как лось. Вот оно, деликатное предупреждение с того света. Время! Без двух минут девять! Давай! Интересно, кто сегодня на проходной? Опять этот придурок? Где пропуск? Слава богу, не забыл, а то не

иначе, как со скандалом... Осторожно... Перекресточек у нас сумасшедший, постоянно кого-то давят... Ну, проезжай, проезжай, псих! Вот она, родная проходная! Здорово, чумной! На тебе пропуск, только от...бись! Питекантроп!

– Здравсьте, Зоя Ванна! Никак нет... Ну, как же? На моих ровно девять. На ваших две минуты десятого? Ну, раз на ваших, тогда конечно. Где уж нам с Вами спорить...Ну, влепите выговор, и дело с концом! А я без иронии, как можно!..

– Здравсьте, Василий Алексеич! Да, застучала, швабра... Две минуты, подумаешь. Не переживайте, шеф! Ну, премии лишат. Да премия – тьфу! Одно название. А первого места нам и так не видать. Ну и хрен с ней! Что у нас сегодня? А-а, Верочка заболела? Грипп? Ясно... Анна Васильна придет попозже? Ребенка в садик? Понятно. А что с камерой? Опять? Вчера ж чинили! В техобслуживание звонили? А Соколов что сказал? Не может сегодня? А завтра? Да, он никогда не может! План горит? А где Малыш? Малыш, пойдем камеру чинить. Мастер не приедет. А так! У господина Соколова поважней дела. Пойдем... У нас квартальный план горит... Да, не боись, справимся. Не боги горшки лепят... Ну, стукнет пару раз...Откачаем, не волнуйся! Да, шучу я, шучу. Я сам туда полезу, а ты страхуй, на случай чего... Я же все-таки инженер, зарплата на целый тридцатник поболее твоей. За риск. Ну, давай! Ничего, в армии будет хуже, так что готовься. Крышку держи! Ну, я полез, а ты поглядывай...

Картина третья «Наш с Хозяином мир...»

Кот

...Как медленно тянется день. Хорошо еще, что на улице царит некоторое оживление, гуляют старушки с собачками, бегают маленькие двуногие, а вон медленно, тесно обнявшись, проходит пара двуногих постарше, он обнимает ее, и вот, когда я вижу такую пару, я почему-то всегда думаю о Хозяине, и мне становится обидно за него. Разве он хуже других двуногих? Но он никогда не ходит вот так, нежно обняв подругу. И ни одна из тех, кто был в нашем с Хозяином жилище, не прижималась к нему на улице, а так... на расстоянии, как будто стеснялись чего-то. Они стали появляться вскоре после того, как я появился на свете, Хозяин расстался с той раздражительной женщиной и с Игорем, и мы с ним переехали в этот высокий холодный дом на берегу большой реки.

Я помню это время, помню, как мы ехали с Хозяином в трясущейся большой машине, которая называется «грузовик», и грубые, чужие, плохо пахнущие двуногие пускали едкий дым мне в нос, а потом тряска прекратилась, и двуногие вместе с Хозяином таскали большие деревянные короб-

ки и длинный упругий лежак, и тяжелую металлическую коробку, куда Хозяин кладет еду, и много приятно пахнущих краской и еще чем-то разноцветных, связанных вместе листов бумаги, покрытых странными значками, – эти предметы Хозяин называет «книгами», и еще много никчемных предметов, без которых люди почему-то не могут обойтись. А потом эти громко кричавшие вонючие двуногие исчезли, но Хозяин еще долго таскал, передвигал, раскладывал все эти вещи, мыл холодный скользкий пол нового жилища, выносил на улицу какие-то грязные палки, куски красных камней и тяжелые серые ошметки, напоминавшие собачий кал... А когда все кончилось и за огромным окном стало совсем темно, Хозяин вдруг сел в кресло, задышал громко и тяжело (тогда я и услышал впервые этот свист), открыл окно и, сидя в кресле шумно втягивал холодный воздух открытым ртом. Мне стало страшно, потому что я впервые увидел Хозяина таким! Я прыгнул к нему на колени и старался утешить, как умел, но в ту пору я был слишком юн и не понимал, что людям не всегда помогает наше мурлыканье. Люди не любят назойливого проявления любви. По крайней мере, мой Хозяин не из таких...

Но прошло время и в наше холодное голое жилище стали приходиться **они**, эти шумные, веселые и ароматные создания, вносившие дух беспокойства в наш с Хозяином мир. Они приходили, такие все разные, высокие и маленькие, светлые и темные, пахнущие разными духами. Они старались понра-

виться Хозяину и поэтому ласкали меня (особенно старалась одна толстая блондинка, как вспомню ее – «Ах, ты мой Блохастенький!», так до сих пор передергивает). Все они сажались за наш кухонный стол и восхищались тем, как Хозяин готовит мясо или жареную картошку с яйцом, натурально пожирали эти лакомства, не забывая угощать и меня, и за столом было весело, а потом они пили эту отвратительно пахнущую жидкость, от коей людям становится совсем весело и они становятся похожи на нас, четвероногих и хвостатых.

А потом они оставались у Хозяина на всю ночь, и это было самое скверное. Нет, я не осуждаю Хозяина, ведь он был так одинок, а я в то время уже стал понимать, что не в силах разбить ту звенящую пустоту, которая заставляет людей искать себе подобных. Но когда Хозяин в очередной раз выставлял меня в коридор, на пушистую подстилку, я задавал ему один и тот же горестный вопрос – зачем тебе это, Хозяин? Ну, зачем тебе она, эта скользкая красивая змея, с хорошо спрятанными ядовитыми зубами? Или эта сытая похотливая хрюшка? Или вот эта, похожая на статую из белого камня, что на твоём столе? Или эта, вылитая красавица с обложки журнала, она же так и хочет вцепиться в тебя, как в кусок мяса! Неужели ты ничего не видишь? А для той, что живет на третьем этаже, похожей на кудрявую болонку, ты просто подушка, в которую ей хочется зарыться, когда рядом нет никого, более подходящего. Но Хозяин меня не по-

нимал, а я не мог ему объяснить так, чтобы до него дошло. Ведь все мои горькие и гневные речи звучали для него только, как «мурр-мяу» или «мрр-мии», хотя этими, с точки зрения людей, примитивными сочетаниями звуков можно выразить так много...

Итак, они уединялись, и за закрытой дверью происходило черт знает что, хотя в ту пору я был еще совсем юн, не был знаком с Муркой и, конечно, не осмысливал происходящего. Но, когда на следующее утро Хозяин вылетал в ванну со своим «физкультур – ура!», а из комнаты появлялось изрядно потрепанное и помятое длинноволосое создание, тогда я вмиг понимал, чувствовал, что все **это** ненадолго, и безумно радовался, нет, мой Хозяин не даст себя обмануть!

И действительно, они уходили, исчезали из нашей жизни, и наши вечера текли спокойной чередой и, несмотря на холод, проникавший сквозь тонкие стены жилища, несмотря на гнусный дождь, хлеставший в окно, нам с Хозяином было хорошо. Обычно он сидел на лежанке, завернувшись в дополнительную шкуру, и читал мне вслух разноцветные книги и я, прижимаясь к хозяйскому боку (а что ни говори, дополнительная шкура – замечательная вещь!) внимательно бегал глазами по страницам, стараясь понять смысл черных значков и одновременно запомнить то, что читал мне Хозяин. Благодаря таким вечерам я теперь знаю и понимаю многие вещи, оставшиеся недоступными для многих моих собратьев. Я был счастлив, но все же не настолько глуп, чтобы

не замечать той тайной, постоянной грусти, поселившейся в Хозяине. Иногда он не читал по вечерам, а сидел молча, уставившись в пространство, бормотал что-то. Какие-то обрывки фраз, непонятные мне. Иногда смеялся чему-то, нехорошо так смеялся, недобро. А однажды, придя домой поздно, рухнул как был, в верхней одежде, на лежанку и задергался, затрясся все телом, и я, уже знавший к тому времени, **что** это значит, терся об него и спрашивал: «Что случилось с тобой в том огромном и странном мире, от которого ты меня заботливо оберегаешь? Может быть, тебя обидела та недобрая женщина, мать самого замечательного малыша на свете? Или избили грубые, вонючие двуногие, вроде тех, кто привез нас сюда?»

Но мой Хозяин никогда не жаловался мне. Я понимаю теперь, что он не из тех, **кто жалуется**, а из тех, на **кого жалуются**. Люди, как и мы, извиняюсь, **коты**, делятся на разные породы. Я помню, как однажды он приполз домой весь в крови (я узнал его шаги еще у лифта, они были рваными, эти шаги, но я узнал их), он с трудом открыл дверь и, держась за стену, ввалился, а потом долго ворочался в коридоре, стонал, стягивая с себя одежду, и кровавые следы тянулись за ним всюду. Я тогда думал, что сойду с ума от ужаса, мне казалось, что Хозяин поворочается и застынет, как застыл во дворе глупый пес, попавший под одну из грохочущих людских машин, и я кричал, звал на помощь других двуногих (ведь есть же среди них и добрые!), но дверь была закрыта,

да и кто отзовется на писк какого-то кота...

Но Хозяин выжил, отмыл кровь, и даже пошел на следующее утро на работу. Он живучий, мой Хозяин, почти такой, как и все мы. Правда, после того случая он заболел и долго кашлял, особенно по ночам. И вот тогда...

Я всегда начинаю волноваться, когда вспоминаю тот вечер. Тот вечер, когда впервые в нашем жилище появилась она. И, хотя с той поры прошло много-много времени и разные люди прошли перед моими глазами, сам я вырос и почти догнал Хозяина по возрасту (пять лет для кота – срок немалый), да и сама она нас покинула, но... Я буду ее помнить до тех пор, пока не придет и мой черед уйти из этого странного и удивительного мира, куда все мы приходим не по своей воле. Это грустный разговор, и я не хочу об этом думать. А о ней я думаю часто, когда остаюсь один. У нее было удивительно музыкальное имя Ир-р-рина-а! Ир-р-р-а-а! Я сразу научился его произносить, и она радовалась, когда слушала меня. Она вообще хорошо понимала меня, иногда даже лучше, чем Хозяин. И вообще, она была удивительная! Почему Хозяин расстался с ней? Я все же никогда не пойму людей до конца. Что произошло между ними? Почему они не могли быть счастливы? Они же оба такие... Только я знаю, **какие** они на самом деле! Но... Беда стерегла их счастье. И я ничего не мог сделать для них. Моя маленькая мурлыкающая доброта оказалась бессильной. И всякий раз, когда я вспоминаю первый ее приход в наш холодный дом, непонят-

ная боль пронзает мне левый бок, горло мое сжимается, и хочется заплакать совсем по – человечески...

Картина четвертая

«Мы не в Чили, господа...»

Хозяин

...Ну вот, получил денежки теперь можно жить спокойно. До будущей среды. У меня почему-то хватает для нормальной жизни только на неделю-полторы. Почему так происходит? Хотя чему тут удивляться, господа? Госналог, так называемый подходящий. По доходам, значит. Двенадцать пятьдесят – минус. Раз! Профсоюзу – рупь сорок. Отдай! Два. Хоть этот профсоюз – одно название. Что мне в нем? Мы же не в Чили, господа, не в каком-нибудь сраном Парагвае, зачем нам профсоюз, с кем бороться? Чьи права отстаивать? Но денежки все равно – будь любезен. Ну и, конечно же, алименты! От нашего стола вашему столу! Еще тридцатничек. И остается у раба божьего Александра сотенка. Стольничек. Вот и живи на этот стольничек, радуйся. Вкалывай и радуйся. Радуйся – не жалуйся. У нас нынче жалующихся не жалуют. Ты, здоровый мужик, не можешь денег раздобыть? И такое презрение в женских глазах загорается, только держись! Знаем мы эти деньги, назарабатывали в свое время. Далекie экспедиции, стройотряды, шабашки... Саяны. Карпаты. Алтай. Кольский полуостров. И соленая холодная водичка Ба-

ренцева моря. Все попробовали. И все ушло куда-то, как в худой мешок. Ничего не осталось, ни денег, ни здоровья. Вот сижу я тихо в самом глухом углу лаборатории, время – четыре часа, все потихоньку расползлись, кто куда. А я расслабляюсь и вспоминаю. Хотя и занимаюсь я в последнее время всякой херней, но все же, когда занят, не душат дурные мысли. А в такое затишье лезет в душу всякая дрянь. Сегодня утром тряхануло меня изрядно. Перед глазами черти запрыгали, у лаборанта моего крышка из рук от испуга выпала. Хорошо еще, что ботинки на резине. Ну, после посмеялись, конечно, а если задуматься... Если задуматься, то в случае чего, останутся после меня двое сирот, мой Игорь и мой кот, по прозвищу Блохастый. У Игоря на первое время есть мама, а вот у Блохастого, кроме меня, никого. Покричит – покричит и подохнет с голоду или же старушка какая сердобольная возьмет. Хотя нынче что-то плоховато стало с сердобольными старушками, повывелись они, как мамонты. Вот у нас в холле три такие старушенции – не приведи Господь! Мой котяра скорее удерет и будет шляться по помойкам, чем примет такое покровительство. Уж очень не любит он тоталитарную власть. Да... Сколько там натикало? Половина пятого. Ну вот, выключаем машины, потом профилактика, уборка и конец рабочему дню. И турне по магазинам. Ох, и накуплю я сегодня вкуснятины, черт с ним, однова живем! Торт, что ли купить? «Прагу»? А может, винца бутылочку? Да, как же!

Купишь теперь. Про «Указ»¹ забыли, уважаемый гражданин Ульянов? То-то же! Не забыть бы про Блохастого, наверное, ждет не дождется Хозяина. Бедняга! Второй день без жратвы, куда это годится? Где-нибудь в Англии меня бы Общество защиты животных с дерьмом смешало. Но мы не в Англии, господа, мы в самой счастливой и солнечной стране. А посему коты у нас могут голодать сколько угодно, а ихние хозяева могут спать спокойно...

Кот

...За окном темно. За окном мрачно. На реке свистит ветер, раскачивая тонкие деревья, совсем лишенные листьев. В такую погоду я думаю о моих бездомных собратях с жалостью и радуюсь, что у меня есть Хозяин. Я не люблю называть его по имени, оно, мне кажется, совсем не отражает суть его натуры. Для меня он – Хозяин, и этим все сказано. Может быть, есть на свете хозяева и лучше и добрее, чем он. Может быть, есть хозяева более устроенные? Может быть. Может быть, есть на свете коты, живущие более сытно и уютно? Может быть. Но мне с моим Хозяином, хотя и было не всегда уютно, и не было у нас комфорта, как у Мурки, моей бывшей супруги, и не баловал он меня лаской, разве что погладит иногда. НО вспоминается мне одно отвратительное

¹ «Про Указ забыли...» – имеется ввиду Указ М. И. Горбачева об ужесточении продажи спиртного в СССР.

зимнее утро, когда в доме было пусто и холодно, и было пусто в белом металлическом ящике, где хранят продукты, и пусто до судорог было в моем животе, и как Хозяин, больной и желтый от голода, встал с лежанки и достал мягкий, синий с белым мешочек, где оставалось немного молока. Я плакал совсем тихо, ни на что уже не надеясь, потому что это молоко было для Хозяина. Ему необходимо было горячее молоко, и я ушел в угол, чтобы не видеть этого, но Хозяин достал из другого мешочка немного жесткого хлеба и, мелко крошив, залил хлеб последним молоком в моем блюде. «Вот, Блохастый, ешь, это тюря. Другого ничего нет, ты уж извини». Вот так он сказал и ушел в комнату. А я... Я жадно глотал все это, еще не веря своему счастью, а Хозяин ворочался на лежанке и кашлял все сильнее, и мне становилось стыдно по мере того, как наполнялся мой желудок. Наевшись, я пришел к Хозяину и лег, стараясь согреть ему грудь, чтобы проклятый кашель не рвал его изнутри.

А что я еще мог сделать? Но то утро осталось со мной, и что бы ни говорили эти двуногие, приходившие в наш дом, — и молодые хищницы, сбросившие нежно-фальшивые маски, и вонючие, грубо хохотавшие особи мужского пола, и одетые в синюю форму двуногие, перед которыми дрожали противные старухи в нашем дворе, и все они разговаривали с Хозяином грубо и слова их были злыми, и все им почему-то хотелось, чтобы мой Хозяин испугался и попросил у них что-то или что-то им отдал, но он не испугался, не дал и не просил.

И все они в конце концов ушли, сказав на прощанье: «Вот видишь, какой у тебя хозяин? Бедняга ты, бедняга...»

Но что бы они все ни говорили, я ни за что не продам своего Хозяина за это отвратное слово «комфорт». Знаем мы этот комфорт, нюхали и хлебали его досыта!

Однажды, еще прошлым летом, когда наша Хозяйка Ир-р-и-на уже покинула нас, он отвез меня далеко от нашего дома, от вони, грохота машин и массы суетливых двуногих, мешающих друг другу жить, как он говорил – «на дачу». Там было много-много зеленой и вкусной травы, там были большие деревья и густые кусты, разные приятно пахнущие цветы, пестрая живность, и все это ползало, летало, шелестело под ветром, благоухало и пело на все лады, дурманя мою голову. Это было как прекрасный, забытый сон из детства и, если бы мой Хозяин остался там со мной! Но ему надо было уезжать в какую-то непонятную мне «экс-пе-ди-цию». Он неисправимый бродяга и не остался, хотя я просил его так жалобно, что мог бы растрогать и самого свирепого бульдога. Он уехал и оставил меня наедине с хозяином и хозяйкой этой дачи, где был комфорт. Что это такое, я уже знал со слов моей Мурки, когда она соблазняла меня бросить Хозяина и уйти жить к ним, в четырехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Но я так подумал, что мне, обычному полосатому «крысолову» там делать? Да и Мурка больно важничала, я, мол, сибирских кровей, хозяева мои в Египте пять лет прожили, и в доме у нас все есть, а Хозяин твой – голь

и рвань, и что он может тебе дать, кроме рыбьего хвоста, и вообще, таких надо гнать из Москвы. Это она со слов своих хозяев такое выдала. Я, понятно, на нее не обиделся, что возьмешь с глупой бабы, но Хозяина я не предал и комфорт этот возненавидел заранее.

Так вот, на этой самой даче было все, как и в городском доме, – и блестящая, вся в зеленом камне, ванная с горячей водой, и зеркала во всю стену, и два огромных ящика с цветными скачущими и вопящими изображениями, в которые так любят смотреть люди по вечерам, и огромных размеров белый металлический шкаф, который люди называют «холодильником», с разнообразной и вкусной едой. Полы во всех комнатах были покрыты мягкой шерстью, а в холодные дни весь дом обогревался специальными устройствами, которых я никогда не видел у Хозяина. И все же там мне было плохо и холодно, потому что, всякий раз, когда милая и пахнущая хорошими духами хозяйка давала мне очередную порцию мяса или хозяин, пожилой двуногий с блестящей головой и удобными толстыми ляжками позволял мне взбираться к нему на колени, то они обязательно при этом говорили: «Вот видишь, как тебе у нас хорошо... Не то, что у твоего полоумного хозяина. Ты ел что-нибудь подобное? Сидел ты когда-нибудь в таком кресле? Смотри – это цветной телевизор. Видишь, джунгли показывают? А это твой дикий собрат крадется, тигр. Знаешь, что такое тигр? Совсем как ты, только раз в десять побольше, ха-ха-ха!» И они так властно

поглаживали меня по шерсти, как бы показывая, что имеют на меня особое право. Еще бы! Они милостиво согласились содержать меня, пока Хозяин где-то бродит. Они кормили меня такими деликатесами, которые и не снились моему Хозяину, обращались со мной вполне ласково и принципиально не называли меня «Блохастым», а исключительно – «Тимофей», но... НО когда их руки так самодовольно-властно прохаживались по моей спине, я жалел, что я не в **десять раз больше!** И однажды я сбежал.

Я зажил отчаянной дикой жизнью бродячего кота, я шлялся по гнусным вонючим помойкам, я ел отбросы, после которых меня выворачивало, я дрался насмерть с беспощадными, одичавшими моими собратьями, никогда не знавшими человеческой ласки. И я любил совсем не похожих на холеную Мурку уличных подружек, драных и несчастных, то милых и запуганных, то коварно-злых. У меня появился старший товарищ, рыжий одноглазый кот Василий, видевший в людях только врагов, веселый циник и бесстрашный боец, многому меня научивший. Как-то я рассказал ему о Хозяине, он понимающе усмехнулся и сказал: «Среди этих двуногих паразитов твой старикан – редкое явление. Он такой же бродяга, как и мы, уличные коты. Но если среди нашего брата быть свободным уличным бродягой – доблесть, то среди двуногих это занятие кажется странным и подозрительным. Таким, как он, трудно живется среди людей».

Василий был прав. Я и сам это чувствовал, а когда ока-

зался в гостях у «комфортной» пары, понял до конца. Я не осуждал Хозяина за его странную любовь к таинственным «экспедициям», потому что и сам почувствовал прелесть такой жизни. И, наверное, я бы остался с Василием и другими бродячими певцами ночных улиц, если бы не неожиданный и страшный случай.

Дело в том, что к нам с Васькой прибилась очень милостивая юная кошечка, почти котенок, очень деликатная и очень голодная. Ее хозяева уехали с дачи и бросили ее, привыкшую к комфорту, одну в обезлюдившем поселке. Мы с Василием решили опекать ее и научить хитростям бродячей жизни, лето подходило к концу, и впереди маячила голодная суровая зима.

Неделю мы жили среди помоек, но людей в поселке становилось все меньше, уменьшалось и съедобное содержимое помоек, а наша Сиамка (так звали кошечку) смотрела на нас так жалобно, что Василий сказал однажды: «Хватит копошиться в этой вони, как какие-то старые псы. Пошли, я знаю одно хорошее место...» Это хорошее место оказалось курятником, где, по словам Васьки, были подросшие за лето упитанные цыплята. Вначале все шло нормально, мы придушили троих и потащили добычу к выходу, где ждала Сиамка. Но вдруг тихий двор огласился хриплым лаем (проснулся старый цепной пес), вспыхнул в окнах свет, загремели голоса людей, а дальше... Дальше было какое-то мельканье страшных теней, надрывный лай, отчаянный последний крик Си-

амки, рванувший мое сердце... и я повернул назад, несмотря на жуткий страх. Но что-то ударило сзади по лапам, обожгло спину, перед глазами в потоке света мелькнул Василий и кто-то огромный, хохочущий, схватил меня за лапу и рванул вверх. Боль разодрала меня снизу доверху, и закружились деревья, и земля встала дыбом и... я вгрызся в эту огромно-беспощадную руку и извернувшись, драл ее когтями, а потом вдруг стало необычно легко и я, перевернувшись в воздухе, улетел в спасительные кусты и понесся прочь от этого страшного места, через непонятные темные преграды, а сзади догоняло что-то ревушее на разные голоса. Я несся через канавы, сквозь рваные дыры в заборах, метался в чужих переулках, пока не ударил в нос знакомый запах и я, влетев на внезапно ставший мне родным кусок земли, отгороженной забором от враждебного мира, не увидел хозяев дачи, мирно пивших свой вечерний чай на веранде.

Что и говорить, они обрадовались мне, ведь они обещали Хозяину, что со мной все будет хорошо. Они были в сущности не так уж плохи, эти пожилые двуногие, и хозяйка радостно причитала и охала над моей разбитой лапой, и кормила меня сметаной, а хозяин что-то добродушно ворчал насчет какого-то «блудного сына» и чесал меня за ухом.

А потом мы все вместе смотрели большой ящик с цветными пляшущими фигурками, и было тепло и тихо, и мой отягченный вкусной едой желудок убаюкал, загнал вглубь весь случившийся кошмар. Я задремал на толстых коленях, за-

быв обо всем. И только боль, внезапно задержавшаяся в забинтованной лапе, вырвала из сна, пронзила мое сердце и заставила спрыгнуть с теплых колен в поисках выхода. Как я мог забыть? О последнем крике нашей Сиамки? Об издевательском смехе двуногих? Ведь она звала меня в надежде на избавление! Как я мог мурлыкать от сытого довольства, когда та же жестокая рука в это время, может быть, стискивала горло моего отчаянно-смелого друга Васьки? И новое, незнакомое, странное чувство давило сверху, заставляя метаться по комнатам в поисках открытой двери. И вспомнился голос Хозяина: «Стыдно, Блохастый... Понимаешь? Стыдно». Он сидел на тахте, освещаемый маленькой зеленой лампой и, вытирая слезы, все повторял: «Стыдно... Понимаешь? Да, где тебе... Ты же всего-навсего кот...» И вот теперь мне вспомнилась та давняя сцена, и его отчаянье, которого я не понимал тогда, а сейчас вдруг ощутил всем существом среди этого теплого диванного уюта.

И тогда я, не обращая внимания на крики хозяйки и удивленную воркотню хозяина, прыгнул в открытую форточку и побежал прочь, в темноту. Что было дальше? Враждебная темень улиц, дождь, шорохи и скрип деревьев, и проснувшаяся боль в задней лапе сделали свое дело. Я вернулся и лег на мягкий коврик у кухонной двери, презирая себя и весь свет.

Хозяйка со словами: «Ну что, дурачок? Нагулялся и хватит. Теперь лечиться надо», – поставила рядом блюдце с молоком и ушла. А я остался наедине с этим новым непости-

жимым чувством, чисто человеческим чувством **стыда**.

И до самого приезда Хозяина, хотя лапа моя зажила, я больше не мог выходить на улицу, потому что заманчивый прежде ее изгиб, скрывающийся за поворотом, напоминал мне о той свободной жизни, которую я предал, испугавшись один единственный раз. Хозяин, конечно, забрал меня с той комфортной дачи, недоумевая, почему я так плохо выгляжу и вообще одичал. Он усиленно кормил меня дома сырым мясом (непростительная роскошь!), добавлял в молоко яичный желток и какие-то «витамины», и все спрашивал: «Что с тобой случилось, Блохастый?» А я даже ему не хотел ничего говорить, да он бы и не понял моего «мр-р-р – м-ми-и».

Я уже стал замыкаться в гордом одиночестве, но потом Хозяину стало в очередной раз плохо, он валялся на лежанке и тяжело, со свистом, дышал. Я пришел к нему и лег рядом, пытаюсь согреть (в доме опять не топили), а он погладил меня по шкуре, и рука его нащупала мою поврежденную лапу. «Вот оно что... И тебя жизнь зацепила, – сказал он, – а я все думаю, чего ты стал такой пугливый? Ты привык, что человек добр. А того ты не знал, что **человек**-то добр, да **люди** злы».

А я, прижавшись к его боку, мурлыкал, как прежде, и все хотел спросить Хозяина, почему он расстался с Ир-риной, но что-то удерживало меня, наверное, сознание того, что после этого лета я стал понимать Хозяина лучше, чем он меня. Постепенно я отошел от случившегося, но мой гордый друг

Василий и несчастная Сиамка остались со мной и приходят с тех пор в мои сны, печальные и тревожные сны.

Теперь я понимаю, почему Хозяин во сне разговаривает...

За окном темно. За окном свистит ветер. За стеной, в коридоре гремит лифт. Это двуногие возвращаются домой с работы. Кажется, прошла целая вечность, а Хозяина все нет. Сегодня у него **получка**. Это значит, что у нас опять будет много вкусной еды. Я очень голоден, но я терплю, потому что знаю – придет Хозяин и накормит меня. И еще потому, что на свете есть вещи пострашнее **голода**. Ну когда же он наконец придет!?

Картина пятая «С правдой жить – голодным остаться...»

Хозяин

... Итак, уважаемые дамы-господа, как говорят наши друзья из ГДР,² абгемахт! Выключаем свет, закрываем окна-двери, и конец рабочей неделе! Давайте, девочки, до свидания! Алла, не забудь курицу в холодильнике! Леночка, солнышко, выключи проявку. Уже? Ну, молодец! Мужу привет! Все, уходим... Уходим. Ушли. Наконец-то! Можно тихо посидеть одному, сосредоточиться. Еще одна сумасшедшая неделя позади. Раньше я считал жизнь днями, теперь – неделями. Если так дальше пойдет, то быстренько прикатим к финалу. «И всех нас гроб, зевая, ждет...» Н-да!

Мне сегодня наш бухгалтер подлил масла – «Сашенька, – говорит, – жизнь такая мгновенная вещь, спешите раздавать подарки». Хороший он мужик, Соломон Исаич, я сегодня со всем этим дурдомом совсем про деньги забыл, так он позво-

² ГДР – Германская Демократическая Республика, до 1989 г. – восточная зона Германии, находившаяся тогда под контролем СССР в так называемом социалистическом Содружестве стран Восточной Европы.

нил, напомнил, зайди, мол, Александр Викторыч, получи без очереди. Я вообще-то не люблю без очереди, но раз приглашают. Соломон со всеми вежлив, но ко мне питает чего-то... Я даже знаю причину. Как-то после работы помог ему вынести за проходную здоровенную коробку с деревяшками (ему ребята из «слесарки» сделали) для дома, для семьи. Я шел домой и видел, как он, задыхаясь, прет эту коробку один, а у мужика четыре года войны за плечами и инфаркт. Я и говорю, давайте, Соломон Исаич, чего вы один надрыгаетесь. Ну и вынес на улицу, а он сзади – вы не подумайте плохо, мне на дачу надо полочки для книг, и робко так, будто я из народного контроля. Я разозлился, конечно, но не на его робость, а на свою развязность и не тетю Феню, как назло торчавшую в тот день на проходной, и на дурацкую систему, заставившую инвалида войны таким образом доставать себе тот минимум удобств, который его западный ровесник имеет при помощи телефонного звонка. Короче, когда тетя Феня все же заорала на проходной что-то там о партийной совести, о честности и «несунах» – расхитителях народного добра, я ей выдал по первое число. Обо всем и про всех. Да так, что она застыла на своем металлическом стуле с разинутым хайлом, а мы с коробкой и Соломоном гордо прошествовали мимо.

Вот с той поры Соломон со мной особенно приветлив, почеловечески, хотя что я такого сделал? Всего-то допер коробку до «Трех вокзалов», да тете Фене напоследок, интимно так, на ушко, сообщил: «Если ты, выдра старая, про **это**

кому-то шлепнешь, то у дочки твоей будет желтая жизнь». А ее Ленка как раз на моем участке трудится. Разгильдяйка, каких мало даже в нашем милом отечестве. Просто жалко мне нашего Соломона. Всю жизнь мужик вкалывал, на войне в разведроту воевал, три ранения, пять орденов, куча медалей, у нас в объединении двадцать шесть лет везет на себе всю бухгалтерию, ударник комтруда и все такое, а тут две дочки с зятьями и детьми взяли – и в Израиль! Он всю жизнь в них вложил, дачный участок приобрел, а они решили по-своему. Так его же еще и в партком таскали,³ и партбилет извольте на стол, и с главбухов сняли! Довели мужика до инфаркта, суки партийные. Умеют у нас мордовать людей за чужую вину, что и говорить.

Но я удивляюсь, до чего же он живучий мужик! Вот, кажется, все у него прахом пошло: дети с внуками уехали, жена умерла год назад, на работе неприятности и инфаркт в таком возрасте. Вся жизнь накренилась. А он держится, улыбается людям, нашим дурам-бабам советы дает, как мир в семье поддерживать. Мне сегодня про подарки сказал, и глаза у него голубые и безмятежные, как у благополучного ребенка.

Я, когда смотрю на него, говорю себе – ничего, Саня, не жалуйся на жизнь, вот мужика так долбануло, а он стоит себе

³ *Партком – партийный комитет, в СССР на каждом производстве, НИИ, школах, вузах, колхозах существовали комитеты партии, осуществлявшие политику Компартии СССР и идеологический надзор над трудящимися. Власть компартии отменена при распаде СССР в 1991 году.*

спокойно, да еще и других утешает, а что у него впереди? То же, что и у всех нас. И, глядя на Соломона, я ощущаю внутри спокойствие и силу. Хочется жить, действовать, делать подарки... Да, кстати! Надо бежать! Время... Надо успеть пробежаться по магазинам, а то приезжие гости Москвы все растаскают. У меня в кармане ровно шестьдесят.⁴ **Получка**... Пятнадцать с копейками – за квартиру. Пять рубликов – ремонт ботинок. Белье в прачечную – трояк. Еще за электричество не меньше пяти. Итого на жизнь остается тридцатник. На две недели. Нормально. Бывало, я и на пятерку неделю существовал, и ничего, выжил. Когда-то, в далеком детстве, в нашем дворе был такой Миша Двоенков, инвалид, контуженный под Ельней, так он часто мне говаривал: «Ты, Санька, честный очень. А это вить плохо в нашей жисти, да. В нашей жисти надо и своровать уметь, и чайником прикинуться. А ты все правду норовишь в глаза сунуть. А правда – что лук репчатый, на укус крепка и глаза ест. С правдой жить – голодным остаться. Вот вить какое дело».

Все, довольно воспоминаний! Я гашу свет в отделе и выхожу, захлопнув дверь. Мне надо успеть в три магазина. На электронных часах у выхода ровно восемнадцать пятнадцать. В моем кармане ровно шестьдесят. Я куплю мяса, картошки и луку для жаркого. И еще недорогой тортик, если повезет. И Блохастому рыбки взять. Гастроном на Пресне

⁴ ...у меня в кармане ровно шестьдесят» – речь идет о зарплате служащего НИИ в эпоху СССР, до инфляции 90-х годов.

закрывается в девять, но там много народу. Магазинчик на Шмитовском проезде в это время почти пуст, но закрывается в семь. А в нашем районном универсаме в это время уже ничего нет. Жаль, что воровать я так и не научился. Ну что ж, вперед за добычей, великий бледнолицый охотник!

Картина шестая

«Хозяйка Ир-р-р-и-и-на»

Кот

...Я не люблю одинокие вечера без Хозяина. В последнее время, после того, как Хозяйка И-и-р-ра исчезла из нашего дома, он опять стал пропадать вечерами неизвестно где. Впрочем, известно! С возрастом я стал понимать многое, и вид Хозяина, появляющегося на следующий день к вечеру, никогда меня не обманывал. Хорошо еще, что его нынешние подружки больше не появляются здесь. Наверное, ему все же больно видеть их здесь, после исчезновения Иры. Я его понимаю. Да разве может какая-либо из двуногих самок равняться с ней? А как она пела!

Я помню многие ее песни, например, вот эту: «Идет бычок, качается, о чем ему мечтается, наверно, позабыли мы слова...». Или вот эту: «Ты – мое дыхание, утро мое ты ранее...». Или вот, еще: «Когда я был щенком и верил в грезы детства, усатым трубачом себя воображал...». Смешная и грустная песенка. Хозяину она очень нравилась. Хозяин вообще странно относился к ее пению. Внешне он даже иногда сердился на Иру, ворчал, что она мешает заниматься ему какими-то делами, и, что по вечерам в доме должно быть тихо,

так как он устал за день на работе и так далее. Но я-то чувствовал, что **на самом деле** ему нравится ее пение и песни, которые она поет.

Я даже думать о ней в прошедшем времени не могу! Когда остаюсь один, так мне слышится ее голос и кажется, вот открою лапой дверь на кухню и увижу, как сидит она в кресле, положив одну ногу на табурет, в руках гитара, этот странный человеческий инструмент, издающий волнующие звуки, и поет одну из своих любимых песенок. И, увидев меня, скажет: «Блоха-астый, опять жрать хочешь? Ну, сейчас, дай доиграю». И я покорно ждал, пока она допоет, а потом она наливала молока в мисочку и говорила: «Пей, а я сыграю тебе мое сочинение...» Да, она сама сочиняла песни и пела их мне, потому как Хозяину ее собственные песни не нравились почему-то. А мне очень нравились, особенно одна, очень мелодичная, и пела ее Ирина на каком-то непонятном языке (это очень древний язык, Блохастый!) А потом все кончилось, и она, моя единственная хозяйка, исчезла.

Перед этим была жуткая неделя. Они все время ссорились, как это принято у двуногих, «выясняли отношения». Какие отношения? Зачем? Я метался между ними, пытаюсь понять, что им нужно, чувствуя, что весь наш теплый маленький мир разваливается, уплывает куда-то... Я плакал, терся об них, мурлыкал, стараясь заглушить, успокоить этот звенящий в пустоте комнаты крик. Но я был бессилен перед невидимой стеной, разъединившей их так безнадежно и

страшно. Я был бессилен...

И она, Ирина, сразу стала чужой и холодной, как белый металлический ящик на кухне. А потом наступило то утро, когда Хозяина не было дома. Она молча собрала свои вещи, всего две сумки (в одной из них она возила меня на дачу), потом сидела на лежанке и долго плакала, а я надеялся, что, может быть, все еще обойдется. Но она встала, взяла вещи, свою гитару в кожаном чехле, погладила меня на прощанье и... Только когда за стеной загремел лифт, я понял, что она уже не вернется, хотя весь долгий день и вечер я ждал, ждал...

Хозяин пришел на следующий день к вечеру, поздно. От него сильно и неприятно пахло, его шатало и, забыв меня покормить, он рухнул, как был, в грязной одежде, на свой лежак и завыл, как последний подзаборный пес. Я сидел и смотрел на него, боясь и жалея, но успокоить его, как прежде, мне не хотелось. Как бы я ни любил моего Хозяина, я не мог простить ему Ирину. С ней из дома ушло что-то такое, чего я не могу объяснить (ведь я всего-навсего к о т, черт возьми!), но вот это ощущение, как будто в нашей комнате разом зажигалось много-много разноцветных лампочек, когда она врывалась в квартиру с радостным криком: «Сашка! Блохастый! Я пришла! Идите скорей меня целовать!» Разве это можно передать скудным человеческим языком? Даже на **нашем**, кошачьем, это трудно, а уж он-то несравненно богаче!

Через два дня Хозяин оклемался. Было воскресное утро, он принял горячий душ, побрился, покормил меня сырой рыбой и сел завтракать. Он нехотя жевал гренки, тупо уставившись в экран развлекательного ящика, но мысли его были далеко. Он был какой-то весь посеревший, обвисший, равнодушный ко всему и я прыгнул к нему на колени, чтобы немного отогреть. Я знал, что у него не осталось надежды, а для человека это, пожалуй, самое тяжелое. С той поры он часто повторял одно и то же: «Вот, Блохастый, никого у меня на свете нет. Только ты у меня остался. Как жить будем, а?» Конечно, Хозяин не прав – кроме меня, у него есть еще сын, Игорь, правда, в последнее время он стал приходить все реже, а во время последней болезни Хозяина он не пришел ни разу, но все же сын есть сын, что бы ни случилось.

У нас с детьми проще, чем у двуногих. Взять хотя бы нас с Муркой. Мурка родила от меня пятерых котят, двух девиц и троих парней, я их так ни разу и не видел, только слышал краем уха от Хозяина, что девчонки характером вышли в меня – такие же активные непоседы, а мальчики – в мать, ленивые разгильдяи. Но я не переживаю за своих детей, да и Мурка никогда не предъявляла мне никаких претензий. В этом вопросе у людей гораздо все сложнее. И всякий раз, когда я мысленно ставлю себя на место Хозяина, я изумляюсь его терпению, выносливости, наконец, его воистину человеческому умению найти в себе силы и **жить дальше**. Из нашей породы никто бы так не смог, не говоря уж о мерзкой

собачьей породе.

Правда, когда Ирина ушла от нас, мой Хозяин очень изменился. Он часто разговаривает сам с собой или сидит, подолгу уставившись в пространство. Он забывает оставить мне еду, когда уходит из дому, а однажды я застал его на балконе, когда, перегнувшись через низкую для него загородку, он пристально смотрел вниз, где ходили маленькие люди, и меня вдруг охватил дикий страх, как тогда на комфортной даче, когда я ощутил хватку беспощадной руки. Тогда я уже знал, что у людей есть и такой способ прервать свое существование, я закричал: «Хозяин! Стой! Я здесь, Хозяин!» Но он не собирался ничего делать с собой, он потрепал меня по шкуре, почесал за ухом и рассмеялся со словами: «Ты чего разорался, кот? Со мной все в порядке и состязаться с Икаром я не собираюсь». Кто такой этот Икар, я не знаю, наверное, кто-то из приятелей Хозяина, у него куча ненормальных приятелей из этих таинственных «экспедиций», и все они обожают рискованные аттракционы. Но у Хозяина, слава богу, трезвая голова, и это меня успокаивает. Во всяком случае, **сам** он из этой жизни не уйдет...

Все-таки уже довольно поздно. За окном мрак. На реке свистит ветер. Господи, как давно это было! Утро... Хозяин с криком «физкульт-ура!» брызгается холодной водой... В том огромном мире, куда он все время уходит, так много злых безжалостных двуногих... Теперь, когда я знаю это очень хорошо, я волнуюсь гораздо сильнее, чем когда я был

котенком. Почему он всегда так поздно возвращается? Даже в такой день, как сегодня! Почему он не может, как другие двуногие, – чинно, спокойно, вовремя? Разве это так трудно – прийти домой вовремя? Почему он никогда не думает, что у меня тоже есть нервы? Ч-черт! Впору хоть валерианки тяпнуть! Стоп... Кажется... Да! Лифт остановился. Все! Его шаги... Шаги моего Хозяина. Ну наконец-то пришел! Живой и невредимый! Сейчас... только ключ в замке повернет и...

Картина седьмая «Внутренняя свобода»

Хозяин

...Медленно движутся навстречу фонари. Противный неестественный свет делает лица прохожих трупно-бледными, напоминает о морге. Вокруг все пропитано сыростью, холодом и мраком. В такую погоду даже разноцветные огоньки больших домов, близкие и далекие, кажутся ледяными, как арктические звезды, от них веет не домашним уютом и теплом, а какой-то потусторонней марсианской жутью. Левую руку, до рези в ладони, оттягивает набитая доверху сумка с провизией. Вокруг царит холод, но тяжесть сумки согревает душу и тело. Я иду. Иду домой. Иду к остановке троллейбуса, ощущая одновременно удовлетворение, усталость и... раздражение, перетекающее временами во вспышки бессмысленной ярости.

Удовлетворение? Усталость? Раздражение? Что за жалкие словечки? Старье... Может быть, когда-нибудь в будущем придумают новые беспощадные слова для всего этого безобразия. Я отработал сегодня с девяти до восемнадцати, стоял четыре очереди в двух магазинах, купил все, что наметил, и все это в пятницу вечером, да в день всероссийской

получки – это ж можно сказать, героическая эпопея, граждане. Вина, правда, не достал. Но и без вина можно, оказывается, прожить. Как наш Первый Секретарь⁵ сказал – «А вы не стойте в очередях!» Вот я и не стою. Но, ничего, главное, кот сегодня не будет у меня голодным. И еще целую неделю. На пятнадцать рублей товару накупил и тридцать пять в кармане. Ну, вот, кажется, остановка. И троллейбус подкатил! Давайте, граждане, поднажмем... под... нажж... у-ухх... Хорошо-шо-о! Ти-хо! Коробку помял! А я что, нарочно? А меня не давят? Да, пошел ты... Козел хренов! Ну, стукни... Да, что вы на меня кричите, мадам? Я-то спокойный, это он дергается... Ладно, заткнись, гусеница! Все!.. Тишина какая в салоне, все слушают, всем интересно.

Опять нервы не выдержали. Что со мной такое в последнее время? Раньше я бы и внимания не обратил на пьяного кретина, пихающего меня в спину. Толчая, час пик в столице, тут надо быть кротким и терпеливым, как Христос на Голгофе. Терпению нас учат с детства. «Вынесет все и широкую, ясную – грудью дорогу проложит себе... Только вот жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Хорошо сказано. «Память у тебя хорошая», – говаривала мне когда-то учительница русского языка, Надежда Иванна. Да кому нужна моя память? Помню, мама с папой взды-

⁵ «Наш Первый секретарь говорит» – речь идет о фразе М. С. Горбачева по поводу запрета на продажу спиртных напитков (антиалкогольная реформа 1985 г.)

хали – он у нас гуманитарий. Трудно ему придется в наш суровый век техники... физики... химии... космоса... Зачем тебе эта история-литература-зоология? Будь как все!

Вот и стал сыночек инженером. Радуйтесь, папа-мама, радуйся родная страна! Что там за остановка? «Мелькомбинат»? Долго еще ехать. А вот и место освободилось. Наконец-то сажу. Сумку на колени... Тяжелая, зараза. Можно расслабиться. Место у окна – хорошее. Можно не суетиться и не отворачиваться, когда в салон входит бабка, трясущаяся от прожитых лет или мамаша с дитем. Нехорошо, конечно, так рассуждать, но что поделаешь, когда позади сумасшедшая неделя с извечной толчеей, руганью, нервотрепкой на работе, стоянием в очередях и всей этой судорожной погоней за жалкими крохами, за кусок мяса, за местечко под солнцем? А эти вечера, проведенные возле телевизора в тщетной надежде, что тебя отвлекут от ежедневной рутины, от давящих душу мыслей и покажут с экрана нечто такое, чего отродясь не видел, – возвышенную любовь или фантастические приключения графа Калиостро, или просто веселую комедию, так нет же! Смотри программу «Время», деревенские детективы и прочую дребедень...

А утром снова окунаешься в эту ежедневную свистопляску, и крутится, крутится колесо твоей жалкой жизни, пока глупый случай или само течение времени не остановит его. Что это там? А-а, Новозаводская улица. Еще ехать и ехать. Не люблю эти вечерние возвращения домой. Едешь и все ду-

маешь, думаешь... Зачем думать? Уже все давно за нас придумано. Как сказал этот мудрый израильский царь? «Нет ничего нового под солнцем». А эти все вокруг меня? Тоже уже все поняли. Поняли и молчат. Интересно, о чем они думают? Вот этот пожилой в шляпе, сидит, уткнулся в газету. Или этот, наверняка инженер, с такой же неподъемной сумкой, тупо смотрит в угол. Или эти теткы с кошелками, замотанные каждодневной советской действительностью, сейчас придут домой и начнут варить, стирать, проверять уроки, ругаться с мужьями... Мне хорошо, я одинок и на меня не вешают проблемы мои ближние, не орет жена и не пилит теща. На сорок втором году жизни я стал наконец **свободным**. Разумеется, это только **внутренняя свобода**. Ибо ни о какой **внешней** свободе говорить не приходится. Но разве не о такой свободе вещал в свое время Лев Толстой? А Ницше с его свободой воли? Разве не о таком варианте писали, потея и задыхаясь, все эти сократы-вольтеры-монтескье? Свобода – осознанная необходимость? Чудненько! Вот я, осознав необходимость своего существования, сделался вполне свободен внутри себя. Радуйтесь и плодируйте мне с того света, господя философы и мыслители. А почему, спросите вы, мое существование так необходимо? А потому, что я крайне необходим моему Коту, по кличке «Блохастый», ибо без меня это милое существо просто погибнет в этом жестоком мире, а этого допустить никак нельзя. Так как всякое божье творение имеет право на жизнь и, как говорил тот же Экклезиаст: «Нет у че-

ловека преимущества перед скотом»... Ну вот, уже «Обувной магазин» проехали, значит, скоро конечная. Взлечу на лифте на девятый этаж и... встретит меня радостный вопль моего Блохастого. И более никого. А совсем недавно, стоило позвонить в дверь – вылетала навстречу Она, кидалась на шею, щекотала пушистыми космами, целовала: «Сашка! Пришел наконец-то! Раздевайся! Есть будешь?»

Как это все быстро прошло.

Помню, как пришла Она в первый раз в наше с Блохастым жилище, а я был болен своим поганым бронхитом, в доме не было никакой жратвы (моя бывшая благоверная прислала на работу исполнительный лист и в зарплату мне выдали три рубля семьдесят копеек ровно). А Она пришла и вскипятила молока, принесенного в синем пакете, а потом заткнула все щели в окнах кусками ваты и накормила кота. А потом, когда я лежал, обклеенный горчичниками и пил молоко с медом, она прикрепил на стену цветное фото огромного красавца-тигра и, смеясь, говорила, что это ее портрет, так как Она родилась в Год Тигра, потом играла на гитаре и пела: «Когда я был щенком и верил в грезы детства»... Или нет, на гитаре Она научилась уже потом, после того, как осталась у меня жить, несмотря на скандал с родичами и натянутые улыбки ее подружек, фыркавших в кулачок: «Он же старше тебя на двадцать лет!» И все у нас было замечательно, но в один прекрасный день она сказала мне, что пришел **вызов оттуда**... ну... из Израиля, а Она всю жизнь мечтала об этом

и наконец-то сможет уехать. Оказывается, у нее отец – еврей, уехал в Штаты лет десять тому, Она была тогда совсем маленькой, ничего о нем не знала (мать скрыла от Нее свой развод). А года три назад, в самом начале Перестройки, когда Она закончила школу, от него стали приходиться письма и посылки. Мать сначала прятала все, а потом все же рассказала правду. Ирина стала носить «штатовские» тряпки, вызывая зависть подруг, потом познакомилась с какими-то «отказниками»-евреями, стала посещать синагогу на какой-то «Горке»,⁶ потому и не попала в Строгановку,⁷ мать от нее отшатнулась, жизни не стало никакой, и Она решила, что там, в Штатах или в Израиле, у Нее будет все, что Она пожелает. Так Она мне сказала, и я... И мне показалось, что в мой дом влез наглый и жестокий вор, и бессовестно крадет на моих глазах **единственное**, что у меня еще осталось в этой жизни. Этим единственным была Она, и я не мог уступить Ее без борьбы. Господи, в Ней не было ничего еврейского – милое славянское лицо, скулы, золотисто-русые волосы, серые спокойные глаза... Что толкнуло Ее на отъезд? Я понимал, что Ее не проймешь кислыми проповедями о «русских березках», тем более, что я и сам ненавижу этот тухлый патриотизм бездарных жлобов. Да, был у меня когда-то прия-

⁶ На «Горке» – в Москве среди евреев-отказников, а потом и диссидентов, существовала в 70-х-80-х прошлого века традиция встречаться у московской Хоральной синагоги, т. е. на улице Архипова, на сленге – «на Горке».

⁷ «Строгановка» – Московское художественно-промышленное училище им. Строганова.

тель-еврей, Жорка Михлин, который тоже взял да уехал, но его-то я понять мог. В нашем славном отечестве и русско-му-то кисло бывает, и жить неумоготу, хоть волком вой, а еврею тем более! Как там в песне поется? «А вот трамвай на рельсы встал, а под трамвай еврей попал...» Точно, как что где случается, так обязательно у нас еврей виноват. Так что еврею сам Бог велел из России ноги делать. Но чтобы Она!

Разве я мог примириться с этим? С Ее разговорами о древней исконной родине? С Ее друзьями-отказниками? С песнями на иврите, которые Она упорно разучивала вечерами? Мы начали ссориться.

Она уходила из дому, хлопая входной дверью, и мне становилось больно от этого хлопанья. Я ненавидел Ее новых друзей, Ее треньканье на гитаре, Ее дико звучащие речи о России, «погрязшей в варварстве, как в вонючем болоте». «А я?! Со мной тебя тоже ничего не связывает?!» – кричал я Ей, и все сразу менялось, и лицо Ее оттаивало, Она все обращала в шутку, и снова мы сидели вместе за кухонным столом, пили чай с пирогом, который Она испекла в духовке, и кот мурлыкал у Нее на коленях.

А потом Она ушла... Накануне все было хорошо, мы даже ни разу не поругались. Только была Она какая-то грустная, потом... потом спросила меня, какую песню я хочу послушать. Спела: «Идет бычок, качается, о чем ему мечтается...»,⁸ потом про трубача и эту, которую я люблю больше

⁸ Е. Клячкин. – «Идет бычок, качается» – «Моим современникам».

всего – «Забудешь первый праздник и позднюю утрату...».⁹ И мы пили чай, как всегда по вечерам, и Она играла с Блохастым, а после мы смотрели по «фонарю» «Вечер юмора» из Останкина. Все было очень хорошо и мирно, наутро я умчался на работу (был понедельник), Она еще спала. И день тянулся, как всегда, но вдруг Она позвонила и сказала, что все кончено и Она уезжает. Я не поверил, думал, Она просто валяет дурака, но когда я вернулся вечером домой, то первое, что заставило сердце сжаться, – это пустая вешалка в коридоре. Не раздеваясь, я бросился в комнату, открыл шкаф... Ее вещей, всего, к чему я привык за несколько лет, не было! Не было и гитары в черном чехле, и мелких безделушек на полочке в коридоре, и цветного фото тигра на стене...

Я сидел на тахте, еще не веря в случившееся, а напротив, во всю стену, чернело голое окно. И в комнате было пусто и холодно, как тогда, давным-давно, когда Она еще не пришла в мой дом. И только кот тоскливо мяукал, вопросительно глядя на меня.

Я ушел и вернулся только через два дня. Все это время я пил со случайными людьми. Вот и вся история моего несостоявшегося счастья.

...Метро «Фили»! Конечная! Слезайте, граждане, приехали, конец... Скорей-скорей... Извините, бабушка, сзади толкают. Ну вот мы и дома! Тридцать метров пешком прямо и двадцать шагов направо. Кот, наверное, ждет не дождется.

⁹ Булат Окуджава – «Забудешь первый праздник» – «Романс сверчка».

Смешно... Кому рассказать – не поверят.

Было у человека три жены. Первая до замужества была классной шлюхой и проводила ночи с курсантами и офицерами столичных академий, потом ей срочно надо было выйти замуж, и она ловко подцепила мальчика из хорошей интеллигентной семьи. Но игры до конца не выдержала, мальчик, быстро разобравшись, что к чему, послал ее к чертям. Далее, повзрослевший мальчик женился на расчетливой девице, произвел на свет сына и пять лет тянул ляжку с чужой, не любившей его женщиной, делая вид, что все нормально. Потом ему надоело ломать комедию и он втрескался по уши в сексуальную бабу, развелся с женой и решил, что женится наконец по любви. Но не тут-то было, так как бабе той для семейного счастья нужен был не только его конец, но и большие денежные вливания, а потому получил он от ворот поворот и остался один, как «дурак с мытой шеей».

И вот последний аккорд – милое русоволосое создание. Нежный голосок. Гитарный перезвон: «Когда трубач над Краковом возносится с трубою...» Эх! Что-то сумка у меня слишком тяжелая... Опять, зараза... Дыхалка... Давит, дышать невозможно... Постоим немного, отдохнем. Перед глазами круги какие-то цветные. До дому бы добраться. Совсем плохой стал... Ну, вроде отпустило, можно потихоньку двигаться.

Вот оно, долгожданное парадное! Ура, добре дбшли, как говорят наши братья – болгары... Так, возле лифта постоим.

Надеюсь, мой кот не погиб там с голодухи.

У меня, как в доброй старой сказке братьев Grimm. Там тоже был такой великовозрастный болван, коему отец, умирая, оставил в наследство кота. Только **мой** кот не сделает меня маркизом и не поможет жениться на принцессе. А вот и лифт! По-е-е-хали... Вам седьмой? Нажимайте, мне выше. Вот она, моя дверь. Где ключи? На самом дне сумки, черт! Ага! Орет, за версту чует хозяина. Сейчас! Вот только ключ повернем и...

Картина восьмая

«И пусть доска качается...»

Хозяин и кот

...М-мр-ра-у-у! Мр-ра-а – я-я! Здравствуй, Хозяин! Как я рад, что ты вернулся, живой и невредимый! И никто тебя не обидел, не побил и не нахамил! И Ты, конечно, принес мне много вкусной еды, и впереди у нас целый вечер чудесной сытости, тепла и доброты...

А-а-а! Дождался, разбойник?! Дождался, полосатый охладомон! Ах ты, Блохастый-Тимофей! Ну, сейчас, сейчас... Дай раздеться-то, не ори! Сейчас накормлю. Да знаю, что – «мяу»! Вся наша жизнь – сплошное мяу, что поделаешь? Да-да, это тебе. Ну, разумеется, в первую очередь. Как говорится, хороший казак сначала коня накормит, а потом уж и сам поест. Потерпи немного. Ты же холодную рыбу жрать не будешь. Выпей-ка пока молочка... Пей, оно не холодное, пей...

Хозяин

Поздний вечер или это уже ночь? Я лежу под двумя одеялами и читаю одну хорошую книгу, написанную давным-давно одним веселым и добрым философом. Философы, они,

знаете ли, тоже всякие бывают. Правда, Блохастый? То-то! И у злых философов вылезают из-под пера мерзкие, холодные и скользкие, как змеи, слова и мысли, а книги их в конечном счете пахнут мясом сторевших заживо людей. А у добрых философов как-то выходит, что мир наш, хоть и неустроенный, и бог вещь когда устроится, но все же барахтаться в этом мире стоит хотя бы потому, что есть в нем такие вещи, как красивые женские лица, снежные горы, звездная россыпь в ночном небе, шелест морской волны и запах степных трав. И многое другое, может быть и не столь возвышенное, например, хороший ужин после рабочего дня и теплая постель. Что мурлычешь, Блохастый? Хорошо тебе? Что ж, я рад, что хоть кому-то могу доставить маленькое удовольствие. Только, что с тобой будет дальше, кот? Когда меня не станет? А ведь это вполне может случиться. Что-то здоровье у меня барахлит в последнее время. Кто будет кормить тебя «тюрей» в суровые будни и угощать куском мяса по праздникам? Кто будет читать умные книги, в которых ты все равно ни черта не смыслишь? Кому ты будешь нужен, несчастная серая скотинка, в этой огромной, нелепой и жестокой стране, где и человеку-то места нет, не то что какому-то **коту!** Эх, Блохастый, была у тебя надежда в этой жизни, да и та ушла... Говорил я Ей, куда ты едешь, на что надеешься там? Кому ты там будешь нужна? Так нет же! Вбила себе в голову, что **там** Она будет свободна и счастлива. А я так и не смог Ее остановить. Тяжело мне, Блохастый... Что смот-

ришь на меня? Ты не человек, тебе трудно понять, как мы привязываемся к этим непостоянным и глупым созданиям. Тебе с твоей Муркой было проще. Я вовсе не плачу... Ты думаешь, если я орал на Нее, обзывался, значит, меньше любил? Я дурак, конечно... Но, разве можно объяснить словами эту привязанность к родной земле? Я просто **чувствую** это и все! Это – как здоровье, либо оно есть, либо нет. Но ты же знаешь, как я был к Ней привязан. Она была последней моей надеждой в этой жизни и... все кончилось.

Что ж, бог Ей судья. Пусть Она будет там счастлива. Помнишь, как Она звала меня с собой? Смех! Мне, исконному русаку, Сане Ульянову – и туда? Я рассмеялся, а Она – в слезы... Сложная у нас, у двуногих, жизнь. Мурлычешь? Мурлычь, мурлычь... Не будем портить наш хороший вечер мыслями о плохом. Давай-ка лучше заведем музыку... Сейчас достану нашу с тобой любимую... Помнишь, как Она пела? Вот... Сейчас, только кассету поставлю... Ну, слушай...

«Мы связаны, Агнешка,
С тобой одной судьбою
В прощении, в прощанье,
И в смехе, и в слезах.
Когда трубач над Краковом
Возносится с трубою,
Хватаюсь я за саблю
С надеждою в глазах...»¹⁰

¹⁰ Булат Окуджава – «Мы связаны, Агнешка...» (Агнешке Осецкой).

Слушай, слушай, кот. Это же про нас, никуда не успевших, великовозрастных дураков, про все наше пропащее поколение... Мы тоже хватались за сабли, поверив в красивые слова лживых вождей, мы думали, что это будет последняя атака на отживающий мир, а потом...

«Прошу у вас прощения за долгое молчанье,
За позднее прощанье, за скорые слова.
Нам подарила встреча пустые обещанья,
От них у нас, Агнешка, кружится голова...»

Это была наша общая беда, кот, закружились тогда, в юности, наши головы от красивых обещаний, от радужных горизонтов, схватили мы заманчивый огонь голыми руками и... обжег нас тот огонь! Плетью обуха не перешибешь... Где мы теперь? Кто сгинул в далеких холодных краях, кто бьется головой о стены «психушек», кто, предав идеалы, вышел в начальники и хохочет мертвым смехом, издеваясь над нашей сгоревшей верой в чудеса.

«...Над Краковом убитым трубач трубит бессменно,
Любовь его безмерна, сигнал тревоги чист,
Мы школьники, Агнешка, и скоро перемена,
И чья-то радиолы наигрывает твист...»

А такие, как я, не спившиеся, не сгнившие в тюрьмах, не

свихнувшиеся в психушках, не уехавшие за кордон и не продавшиеся за бутерброд с черной икрой, сидят тихо и ничего не могут, хотя все знают-понимают. И нам остается только вспоминать... Вспоминать наших исчезнувших без следа друзей, наших девочек, отплясывавших когда-то чечетку и твист на Красной площади после выпускного бала... Где вы теперь, наши школьные подруги?

...Холеная женщина с незаметным шрамом от пластической операции скучает перед телевизором в роскошной пятикомнатной квартире...

Пожилая работница текстильной фабрики с набитой продуктами кошелкой втискивается в вагон московского метро... Воняющий потом чернокожий бродяга валит на песок африканского пляжа истасканную голубоглазую шлюху, и расплываются в ее глазах чужие тропические звезды...

Уже поздно, Блохастый. За окнами совсем темно... Слышишь, как свистит ветер на Москва-реке? В тот вечер, когда Она впервые пришла в наш дом, тоже было так...

Там, куда Она уехала, сейчас тепло. Наверное, Ей там хорошо. Она всегда страдала от холода... Наверное, Она поступила правильно, кот! Она молодая, двадцать три, вся жизнь Ее как прямая дорога, освещенная солнцем.

Завидую я им, сегодняшним двадцатилетним, и знаешь почему? Потому, что они, в отличие от нас, не верят в красивые, лживые идейки. Чувствуют, где шоколадка, а где пустой фантик. Что смотришь так недоверчиво? Да, я не люблю их

цинизм и хамство, но знаешь, я почему-то верю в них. Верю, что именно им вложит Господь, если Он существует, тот «огненный меч вселенской правды»! Вот увидишь, пройдет лет десять... Ты еще вполне можешь дожить, к о т. Представляешь? Наша Земля будет чистой и доброй... Все будут сыты и здоровы... И люди, и коты, и даже собаки... И никто не будет толкаться в автобусах, а в жилищах будет зимой тепло, а летом прохладно... И дети будут приходиться к родителям не за деньгами и лакомством, а просто так...

«Нас наделила странной иронией природа
Есть высшая свобода, и мы идем за ней...»

Кот

Тише! Он уснул наконец. Он очень устал за последнее время и потому, наверное, несет чушь. Музыка доиграла, и голос моей бывшей Хозяйки, Ир-р-рины, затих. У людей существует это странное устройство, в котором голос остается и живет даже тогда, когда человека уже нет.

По-моему, это очень печальное изобретение. Зачем оно нужно? Зачем терзать душу тем, что уже никогда не вернется? Хозяину очень больно, когда Он слушает Ее голос. Но все равно он хранит **голос** в коробочке и слушает, слушает...

Как понять человеческую душу? По-моему, это не под силу

самому умному **коту**. В последнее время я часто задумываюсь, что будет с Хозяином, когда я исчезну из этого мира? Мой век короток, я знаю. Хозяин очень наивен и потому беззащитен. Вот, Его били, над Ним потешались, на Него кричали, Его обманывали те, кому Он верил, а все оказалось не впрок! Меня только раз за заднюю лапу схватили – и я на всю оставшуюся жизнь **сразу все понял!** А Он? Живет в холодном, неустроенном жилище, одет бог знает во что, ест то, что на бегу ухватит, а все надеется на что-то, чего-то ждет... Господи, как же Он без меня жить будет? Кто Его согреет холодными ночами? Кому Он душу изольет? Это нам, **котам**, хорошо, мы можем и обойтись. Ну, поплачем тихо, в углу, и все. А человеку этого мало. Человеку любви надо. Любви и понимания.

Я все же надеюсь, что вернется Ир-рина к Хозяину из этого своего **далека**. Если бы вернулась! Тогда я смог бы умереть со спокойной душой. Так, кажется, люди говорят. Господи, помоги моему дурню-Хозяину, наставь Его на ум. А то ведь сорок с лишним лет человеку, а поступает странно. И слова говорит странные. Как это Он любит говорить? «Блохастый, пойми, человек храним верой, живет надеждой и спасен любовью». Как вам это нравится?

ХРАНИМ ВЕРОЙ, ЖИВЕТ НАДЕЖДОЙ И СПАСЕН ЛЮБОВЬЮ!

А я слушаю и удивляюсь – мало тебя, Хозяин, били в этой жизни?..

За окном черно. За окном ветер по всей земле... Ладно, будем спать. В животе сытое блаженство. Одеяло теплое. Вот так, поближе к Хозяину. Завтра выходной, и мы с Хозяином будем спать вволю, без всяких там «физкульт-ура». Тепло. Тихо. И только в ушах наплывает издалека Ее голос. Звучит песенка, которую я так люблю:

«А нам грустить не хочется,
Что появилось отчество,
А имя лишь осталось для друзей.
И пусть доска качается
И пусть доска качается
И пусть бычок не падает на ней
И пусть бычок не падает на ней...»

Живу надеждой

Рассказ

Проснулась я с ощущением тоски и серой безнадеги. В последнее время сны мои были тревожны... Я живу на улице Монтефиори. Рядом, в двух шагах, – море, солнечная набережная и высокие отели. Если проснуться рано-рано и прислушаться, слышно, как море шумит. То самое, о котором мечтала с самого детства. И вдруг этот сон, швырнувший меня назад. Во сне жила я снова в Москве, у мамочки. Подхожу утром к крану, хочу напиться, а из крана вместо воды – красная теплая жидкость. Я замерла, а тут входит мамочка и спокойно так набирает это в чайник.

– Мама! – кричу я. – Это же кровь, ты что?!

– Ничего, Риночка, – спокойно так говорит она, – мы уже привыкли. – И вдруг вижу, это вовсе не добрая заполошная мамочка, а директриса моей бывшей школы, сто кило злобного трясучего жира. – Ну, Риночка, – зловеще тянет она.

...И тут я с визгом бросаюсь мимо, прочь из этого места... а сзади, вдогон, рев, свист, вопль: «А-а-а! Еврейка-а-а! Держи-и-и-и!...» А потом этот кошмар кончился, и я лежу уже под огромным, закрывающим небо деревом, в прохладе, и ветви мощного дуба успокаивающе шелестят листьями.

Я резко проснулась, и сразу накатило. Воспоминания. Я

всегда боялась этого и запрещала себе. С самого приезда – прилета в «Бен-Гурион». Нельзя, уйдя в другое измерение, продолжать жить прежним. И стиснув зубы, я мысленно повторяла: «Я живу на Мон-те-фиори... Тель-Авив... Израиль... Зе-мля... Космос... Вселенная...» А оно лезло, напирало.

В Москве я жила в Измайлово... Под окнами шелестели колеса машин, и толстые старые липы давали тень и прохладу. В шелесте лип мне чудилось море. Далекое. Средиземное.

Мамочка ворчала, что я – ужас какая фантазерка. Меня и в школе так дразнили. Но тогда я была счастливой, особенно весной, в мае, когда яблони в школьном дворе осыпались белым цветом и мы с подружками шли вечером смотреть салюты или просто гулять в центр.

Я чувствую, как к горлу стремительно катит холодный комок. Вот он рассыпается и брызжет слезами из глаз. Я сижу на постели и реву. Всласть. С захлебамми, как в детстве. Ненавижу шабаты! В шабаты я дома, не занята делом, и лезут в душу змеи... Обычно я встаю в полседьмого, злясь на весь свет и на Йоси, моего балабайта.

Мой балабайт Йоси. В очках и с доброй интеллигентной улыбкой. Да-да, улыбка бывает интеллигентной. Видели вы таких балабайтов? Ему очень нужно, чтобы я приходила в кафе на час раньше, чем мы открываемся. Он любит посидеть с извечной чашечкой кофе и потрепаться со мной. Йоси

говорит, что я не только красива, но и умна. И иврит у меня на уровне.

Это мы уже слышали, еще в той жизни. И подружки, и наши экспедиционные «дятлы», и мои прошлые мужики: «Ты умная и красивая, мудрая и великая!» Мне это и Евка, соседка моя по «хате», все время талдычит.

Сегодня шабат, и она умотала к родителям в Холон. Хорошо ей. Родители, сестренка младшая... Не так одиноко. Но, с другой стороны, она их содержит, потому как здесь для них нет работы. И пенсия им еще не положена. Вот и стала Евка, кандидат химических наук, «девушкой» по вызову.

Посмотреть на нее – баба-стон! Все при ней! А мужики, что за ней приезжают на своих «Пежо» и «Вольво»? Очень элегантно смотрятся в трусах до колен и болтающихся майках.

Бог ты мой! Надутые глупые индюки! И такая баба за каких-то триста шекелей должна перед ними фигуры делать. А куда деваться? Тут и на себя-то не хватает, а еще и семью кормить. Можно, конечно, подъезды мыть, общественные писсуары... В кафе пойдешь, там то же самое – все зависит от хозяина!

Мне еще повезло с «моим». Но «мой»-то знал, что со мной номер не пройдет! А может он просто чудака, этот Йо-си? Как Саня, мой бывший. Нет! Я же запретила себе об этом...

А оно возвращается... Не отпускает. Правда, мне только

в шабаты тяжело. А Евка, каково ей каждый день. Однажды у нее была жуткая истерика, и я ее настойками всякими отпаивала... А она, такая милая, веселая, умница, каталась по дивану, била руками-ногами и кричала: «Ненавижу! Ненавижу их всех! У-у-у! М-м-муж-ж-жики! Твар-р-р-и-и...»

Потом, когда все прошло, я узнала. У нее просто не было никогда любви. А у меня было.

В той жизни... Мне хорошо. Я одинока. Мне никого не надо содержать. И я могу мыть подъезды. А Евку мне жаль. Хоть она и хорошая баба. Потому как она чуть не стащила меня на ту же тропу. Заманчивую тропу больших, «легких» шекелей.

А было как? Очень просто. Сократили меня на моей работе. На полставки. И вот мой хозяин... Как это странно звучит, не правда ли? Мой хозяин... И вот этот тип, ни слова по-русски, торгующий мебелью, он нас финансирует. В газетном деле, как свинья в бриллиантах. Я же графиком работаю. Он решил, что меня можно три раза в неделю использовать. И платить за трехразовое использование 500 шекелей. Здорово, правда? А плачу я за комнату почти 600. И как, спрашивается, жить? А это, говорит, твои проблемы.

У нас тут так принято. Каждый сам решает.

А тут как назло еще и письмо из Союза меня догнало. Ленка, подруга моя экспедиционная. Написала, что «Саня Ульянов, твой бывший супруг и «наш грозный начальник», погиб на одной из баррикад возле «Белого дома». Подробностей

никаких не знает, но так говорили очевидцы.

Я сначала не поверила. Ведь в газетах и по «телику» передали про троих. Хотя потом... называли и другие цифры. Разве в России можно узнать правду? Да и кому она нужна, правда?..

А еще Ленка сообщала, что Боренька Варшавский снова женился и работает в кооперативе «Шанс»... Тот самый Боренька, с которым я изменила моему Сане в последней своей экспедиции. За полгода до отъезда. Правда, у нас тогда все было плохо. А Боренька тоже собирался. Только не мог решить куда...

Саню я так просила: уедем, уедем отсюда... Но он только смеялся. А однажды серьезно ответил мне: «Не могу я, Ринка, туда... Я ведь там «гой». Чужак, значит. Не моя это земля, а человек на своей земле умереть должен». Почему умереть? Человек должен жить! Но больше ничего я тогда не добилась. А Боренька обещал приехать в Израиль: «Ты езжай, Риночка. А я к тебе приеду». Вот только когда?

И вот это Ленкино письмо все перевернуло в моей душе! Сразу все. И смерть его нелепая, и безденежье. И тоска. Надо было срочно все это глушить в себе. А как? Вот-тут Евка моя решила помочь, исключительно из дружеских чувств. Ну и поехала я с ней, ее «хавером» Пинхасом и их знакомыми в один китайский кабаk. Но как только ступила на эту верандочку всю в цветных ширмочках и фонариках, сразу поняла, почувствовала – не будет здесь ни радости, ни забытья.

И ком к горлу, ледяной, снеговой ком...

Не помню, как за столиком оказалась. А вокруг – веселье. Израильтяне, они народ веселый, не то, что мы, евреи с нашей мировой скорбью. Евка мне шепчет на ухо: «Рин! Развеселись быстро. Здесь не принято так в кабаках сидеть. Вот этот, справа, твой потенциальный «хавер»... Ты ему жутко нравишься. Соглашайся, здесь ломаться не принято. Если пришла, значит... А зовут его Цахи...»

Тут же этот Цахи-муцахи ко мне подсел, вернее, привалился, то да се, «кама зман ата баарец», да где работаю, «тов или не тов бэ Исраэль...» Что-то я отвечала, а потом смотрю, а на столе жратва невиданная, и водка «Смирновская» родная, и «шампань» во льду. Ну, думаю, вот сейчас напьюсь в лучших традициях Анапской экспедиции. А там будь что будет.

И может, в этот раз все и получилось бы, как Евка хотела (ей, помимо всего, моя «праведность» глаза колола!), да облом вышел. Сначала, как бухнула я водку в «шампань» и выхлестала до дна этот коктейль, у израильтян глаза на лоб, а меня ни в какую! Не берет и все тут. Только злость во мне набухать стала. А тут еще и Пинхас по Евкиной просьбе «ширусит» заказал. И поплыл как во сне над головами: «Танцевала в подворотне о-осень ва-а-а-альс-босто-о-о-он...»

И поплыли во мне воспоминания... как танцевали мы с Саней в первый раз вот под этот самый «вальс-бостон» давно-давно, в Новый год, на Ленкиной даче под Москвой. И

какие у него были тогда странные, лилового цвета глаза, и как он улыбался, и... А тут Цахи этот, приспичило видно ему, схватил меня в охапку и на колени к себе. Я обалдела, рванулась, а он завопил вдруг на отвратительном русском: «Дьевушка! Кошьяка! Ти хочешь деньги?»

Я замерла, смотрю вокруг, Евка моя ржет, угодливо так, Пинхас ее ухмыляется, остальные развалились на стульях и смотрят на нас с Евкой, как на вещи. И тут до меня через весь угар дошло! Ведь для них я – вещь. Как на прилавках «таханы мерказит». Там также навалены груды лифчиков, колгот, косметики, всякой жратвы, и все ходят, щупают, смотрят, выбирают. И меня, и Евку, и других наших девочек, вот так же и сейчас, вот в этих кабачках, верандочках, «малончиках», обнюхивают, осматривают, примеряют...

Я – вещь! Только живая. Из мяса. И в подтверждение я почувствовала, как его лапа лезет ко мне... И развернулась! Тыльной стороной ладони! Наотмашь! По его сальной морде!

Тресь! И еще раз – тресь! Аж по залу гул пошел... И тишина, как в морге. Ну, после всего повскакали, сразу, со всех выходов – официанты, кто-то заквакал: «Миштара! Миштара!», Евка зарыдала, завопила что-то, кто-то меня за руку...

А я уже осатанела, в руках бутылка из-под «шампани», и ору им всем: «Кто первый сунется, убью!» По-русски орала, а ведь сразу поняли. И сразу все утихло. Цахи-муцахи куда-то исчез. Пинхас с официантами побазарили немного, по-

смеялись. Народ в зале успокоился. Музыка вновь заиграла. Пинхас в этом кабаке был свой человек и все быстро утряс. А после мне такси вызвал. И водителю объяснил, куда меня везти. И даже денег тому дал! Вот как.

И всю дорогу, пока ехала, ревмя редела и вспоминала... Как вот сейчас вижу и вспоминаю. То, что запрещала себе с самого «Бен-Гуриона». Как прибежала после лекций в его холодный нетопленный дом. Как он кормил меня жареной картошкой и мы пили чай с вареньем. И какой у него был сказочный красавец-кот Тимофей с грустными человеческими глазами. И наши вечера при свечах. Я играла ему и Тимофею на гитаре и пела: «Идет бычок, качается, о чем ему мечтается, наверно позабыли мы слова-а...» И еще эту: «Ты – мое дыхание, утро мое раннее»... И, конечно, его любимую: «Мы связаны, Агнешка, с тобой одной судьбою...»

Я забываю его облик. Ведь даже фотографии его не взяла. Поссорилась. Сейчас, отсюда, мне все видится уже по-другому. Иногда я закрываю глаза и... Одна и та же картина – бегу я по лестницам старого дома вверх (лифт не работает), звоню в дверь – два коротких, один длинный – и вот он на пороге. Длинный свитер, драные треники, а рядом кот Тимофей, трется, мурлычет. Он говорил мне: «Ринка, человек храним верой, живет надеждой и спасен любовью...» Вот я живу надеждой. Может, вовсе не убили его? Может, и ошиблась Ленка?

Все! Надо вставать и жить дальше. Сначала уберусь я в

квартире. Потом постираю, накопилось за неделю. На пляж надо сходить. Живу рядом с морем, а времени нет. Надо отдохнуть, расслабиться. Завтра снова подъем, утренний треп с Йоси, потом никайон с восьми до восемнадцати... Я ведь живу на Монтефиори... Тель-Авив... Израиль... Земля... Космос... Вселенная...

Мой золотой Иерусалим (девятое мгновение)

Дмитрию Леонардовичу Германовскому

Разве человек живет во времени? Разве он движется, подобно планете в пространстве?

Может быть, древние философы ошиблись? Может быть, в их нормальное время это и было так? Но времена меняются...

Лично моя жизнь – вереница витков, быстро сменяющихся мгновений, скачущих волнами беспокойного моря... Сколько же их было, моих ярких мгновений?

...Теперешний мой виток – тюрьма с красивым древним названием Абу-Кабир... Как восточная сказка... Кабир... Решетка моей камеры достаточно плотна, но сквозь нее небо, бирюзово-синее, далекое. Птицы черкают в этих синих клетках молниеносные узоры... Я смотрю на их исчезающие крылья и вспоминаю...

Витки моей жизни. Жизнь – череда ярких вспышек. Вокруг меня время стоит, как стены колодца... гулкая прохладная тишина. И только металлический ржавый лязг не дает окончательно задремать...

Р-р-а-з-з! Небо, но другое, давнее, высокое-светлое. И в небе облака-парусники. И ничего вокруг, кроме сухого серо-

го плетня, стрекота кузнечиков и запаха крапивы.

«...И вот посмотрел Иван-царевич, а-а перед ним-то град невиданный, ра-а-стилается, красот-а-а дивная-я, золоты – я купол-а, сине небо-о. Ерус-а-алим-град, такова нигде не сыщешь...» Я не вижу, но знаю – это соседка по даче, вредная такая бабка с козой, все мои беды из-за ее поганой козы, но когда она рассказывает внучке сказку про «неведомый Ерусалим» с золотыми куполами, я каждый раз подползаю к серому плетню с ядовитой крапивой, смотрю в небо и представляю этот град-Ерусалим... Голубое с золотом...

Два-а-а! Бабушкин голос, высокий, странно молодой голос: «Что вырастет из него, Рудольф Аронович, что? Мальчик совсем не занимается сольфеджио... Я ему твержу: занимайся, занимайся часами. Давида Ойстраха в чуланчике запирали... И стал знаменитым... А ты? Рудольф Аронович, что делать, в какой чулан запереть единственного внука, если в голове у него футбольный мяч?! И монотонный, как осенний дождик, голос моего учителя музыки: «Не мучьте ребенка... Не мучьте ребенка, педагогов и учеников.

Паганини из него не получится...»

«Господи, – вскрикивает бабушка, – еврейский мальчик почему-то должен быть Паганини!» – «Или Ойстрахом, – свистит больными бронхами Рудольф Аронович, – как минимум...»

Да, тогда я хотел быть не Ойстрахом, я хотел быть как Эдуард Стрельцов, кумир нашего двора, известный бомбар-

дир сборной. Или как Миша Луканин, дворник, жонглировавший в палисаднике двухпудовками по вечерам. Или как Ренат Сабиров, ловкий белобрысый виртуоз мяча и хулиганских драк, он крутился с мячом в пыли двора, весело скалясь прекрасными зубами на мое беспомощное дерганье, и вдруг, остановившись в двух шагах, резко и точно бил мне мячом в лицо: «Лови, жиденок!» – и хохотал на весь двор... Да, я не хотел быть Ойстрахом...

И вот я вижу себя идущим расслабленной походкой в паутине переулков с очередной тренировки по боксу. Нырок-удар, нырок-удар... Тах-тра-тах! По груше... По мешку... По телу противника. Упругие злые удары... Лязг зубов... И резкий, скороговоркой, голос тренера Сан Юрьича: «Так-так... Уходи... Крое... Снизу... Голову закрой, мудака! Пошел прямыми! На отходе – боковой! Так... «Двойку» в голову... Нырни! Бей!»

Да-а, я плыву по разморенным июльской жарой переулкам моей Немецкой Слободы, ощущая в руках, ногах, во всем теле радость от хорошо проведенной тренировки, и древние огромные липы шелестят кучерявыми головами, закрывая меня от жары...

...По переулкам бродит ле-е-то,
солнце светит прямо с крыш.
В потоке солнечного све-е-та
У киоска ты стоишь!..

Далеко-далеко позади остался молодой голос бабушки, свист бронхов Рудольфа Ароновича, издевательский хохот Ромки... И мои внезапно постаревшие предки робко спрашивают: «Ты снова уходишь куда-то?» А я уходил, хлопая дверями, на тренировки, зная, что после тренировок будет восхитительное ощущение свободы, будут переулки, в которых меня когда-то били, и у газетного киоска будет она, моя королева красоты...

Три-и! Ее хитрый черный кот профилем на фоне раскрытого окна. Над его ушастой головой в ночном небе – луна. Кот подмигивает мне зеленым глазом, луна за окном плывет, сочувственно улыбаясь.

...Над ночными крышами
Светят звезды рыжие...

«А завтра мы едем в Новый Иерусалим. Слышишь?» Я вижу огромные черные пушистые провалы на ее лице и всю ее в лунном свете. Мне совсем не хочется спать, хотя был трудный день, и тренировка, и жара. Разве бывают трудные дни, когда всего восемнадцать?

Ее тело не дает мне задремать... Мы встретились с ней сегодня вечером, после того, как она отвозила документы в МЭИ...

«Мне сказали явиться через три дня в военкомат. С вещами...»

Она изменилась в лице и, надрывно смеясь, затащила к себе домой, и с таким же диким смехом выкрикивала: «Идиот! Пашка, ты просто Шура Балаганов! Не мог крейзи прикинуться? А «предки» твои что? Не могли тебе справочку сделать?..» Она сдирала с себя и меня фрагменты одежды, втиснулась со мной в душ, обрушив поворотом руки водопад прохлады, и тут я заметил, что она плачет, и прижал ее мокрую голову, а она вцепилась в меня намертво, голая и бесстыжая королева, как будто я уходил навсегда...

– Завтра мы с тобой едем в Новый Иерусалим, у меня там дача. У нас це-е-лых два дня-я...

– В Новый не хочу – хочу просто в Иерусалим... в старый...

– Не оstri и не умничай. У тебя не получается...

– Я серьезно. В детстве слышал сказку про золотой Иерусалим. Хочу видеть...

– Может быть, через много-много лет... Тогда мы будем с тобой старенькия, трясучия-я...

– А тебя не пустят. Ты – русская.

– Здрасьте! У меня бабушка – еврейка, мамина мама. Ага!

– Вот откуда твоя любовь к евреям... Я и не думал...

– А тебе вообще ду-у-мать вре-е-едно... Ид-и-и ко мне, милый...

А потом были золотые купола монастыря и сумасшедшие два дня на ее даче. А через два дня она бежала за машиной, увозившей меня по Садовому Кольцу от нее в армию, и во-

лосы ее задевали прохожих, длинные каштановые змеи...

Я сижу на нарах и вспоминаю мгновения. За решеткой – небо... Небо везде одинаковое...

Нет, оно разное. Оно по-разному прекрасно. Оно по-разному равнодушно-жестоко... А витки-мгновения наплывают...

Четыре!.. «Папа, – говорит мой сын, – почему ты не читаешь? Почему ты замолчал?»

Вокруг нас тишина – и зеленые стены спальни и зеленая спинка дивана, к которой прижался сын, слушая страшную сказку про лесного оборотня... «Знаешь, – говорю я, – давай я тебе другую расскажу – про золотой град Иерусалим».

И начинаю, совсем как та злобная бабка в детстве, а потом распаяюсь и фантазирую про град Иерусалим и про то, какие там живут люди, смелые и мудрые, хитровато-веселые и добрые, и...

– Папа, – серьезно говорит мой сын, – а ты сам это придумал, эту сказку...

– Почему?

– А таких городов не бывает...

– А если?

– Мама говорит, что ты все время фантазируешь, что нам от твоих фантазий будет плохо...

– От фантазий не бывает плохо. Спи.

– А мы с тобой поедem в твой город?

– Полетим...

– Тогда хорошо... Я люблю самолеты, – говорит сын и вздыхая засыпает...

Время, время... Какое ты быстрое, когда мы счастливы, какое ты клейкое и стоячее, когда вокруг беда и страх...

Пять!.. Пламя костра, летящие алые языки в темное ночное небо... И тяжелые усталые пальцы перебирают струны, рвутся, спотыкаются в ритме...

Кожаные куртки,
Брошенные в угол!..

– Давай другое!..

В ре-е-чке Каменке
Бьются камни...

– Долой Якушеву!

В далеких безводных песках Джемете,
От чуждого взгляда скрываясь веками...

– Куда же вы торопитесь, «Поручик»?

– У «Поручика» вчера был день рождения.

– Кто мою сигарету с... взял?!

– Якушеву!.. Нет, Визбора!..

– Плесни сюда... Да не сюда, дурак...

– Куда ты меня сажаешь? Я же без купальника!

А Барон сегодня фаллический символ нашел. Не слабец!
– Кто это водку в таз налил?

На концах удлиненных рей!..

– Нашему «шефу» кошмарный сон приснился. Будто падает он на зачищенный скелет, и скелет, и вся керамика во-круг – в порошок!

Ночь притаилась за окном,
Туман рассорился с дождем.
И беспробудный вечер,
И беспросветный ве-е-чер...

Костер до неба. Ветер свистит с Азова. Запах близких водорослей, брошенных на берег недавним штормом. Люди на берегу отдыхают. От дневной жары. От трудной работы...

Отдыхают в песнях. В темном кошмарном вине. И женщина, уже другая, шепчет:

«И-иде-е-м за ка-а-мни». И в камнях, скользких мокрых баранах, шипит вода. «Вот здесь», – говорит женщина. Кеды, шорты, майка летят в сторону, в песок, все сливается – черное пространство неба, белый песок, мокрые камни, пахнущие йодом, серебристая звездная дорога... Женщина сходит с ума подо мной, ее зубы мучительно скалятся в лунном свете, ее стоны пугают чаек, ее живот и бедра вминаются в меня... И мы, кентавр с двумя торсами, вращаемся в простран-

стве между небом, морем и землей. Ее короткие светлые волосы перемешаны с морским песком, ее дыхание успокаивается в такт грохоту прибоя, ее руки и ноги разбросаны, как будто она хочет охватить все огромное звездное пространство над нами. Темные волны накатываются на берег. Дальний отблеск костра. Ш-ш-ш-ш! И далеко-далеко гитара. Как будто ветер по струнам.

– Ты слышишь? Я люблю тебя, – шепчет женщина. Она заглядывает снизу в глаза. – Давай уедем с тобой... далеко-далеко...

– Где это? далеко-далеко?

– Т-а-а-м на берегу другого моря... Нет, я серьезно... У меня брат в Калифорнии...

– Я не хочу в Калифорнию.

– Не хочешь?

...Хо-чеш-шь... Хо-чеш-шь... шипит прибой в камнях.

Ночь в молочных брызгах звезд.

Алые угли догорающего костра. Люди в штормовках, устало бредущие к палаткам. Тихий звон гитарной струны... Осколки античных сосудов хрустят под ногами...

...Их дамы не носят колечек в ноздре,

Мужчины не делают татуировки.

И хлещут они на вечерней заре

Напитки без градуировки...

– Джимми, ты идешь? Джи-и-и-и-м-м-и-и!

Когда это было? Вчера? Десять лет назад? А может быть, это еще повторится, только в другой жизни? Нет, не будет другой жизни.

Другая жизнь у меня сейчас, здесь, в этой тюрьме. Мои соседи по камере – уголовники-марокканцы – ко мне относятся почему-то хорошо, снисходительно, жалеют... Оле-хадаш ми Русия... Что поделаешь, несчастный парень. Ничего не понимает в жизни.

Сел за чужую хаверу. Сумасшедший. Больной. Они угощают лепешками и сыром. Бери, мотек, это вкусно... Их громкая камерная жизнь, их смех и ругань текут мимо меня. Ибо мое время вращается по замкнутому кругу... Шесть! Серая декабрьская пелена над городом, серая оттепель. Серая толпа перед московским Киноцентром, беснующиеся, оскаленные тысячетней ненавистью пасти. Полосатые платки палестинских студентов и лакированные картузики на льняных кудрях россиян. Впереди мечется человек с мегафоном, что-то визжит и выплевывает в мегафон. Милиция с трудом сдерживает напор славяно-палестинской толпы. Толпа не желает, чтобы был съезд евреев. Позор для первопрестольной! Позор для русского человека! Мало «своих», так со всего мира понаехали, гады. Долой их! Вон их! Так его, так, по башке плакатом! В кррровь жида! «Менты, сионистами купленные! Не пускать их!» – Милиция сочувственно сдерживает негодующих россиян и их палестинских братьев: нельзя, мол, бить, у нас демократия. А толпа нале-

зает, разинув рты, выкатив налитые злобой глаза...

Ж-ж-и-д-д-ы!

За моей спиной, взявшись за руки, молодые крепкие ребята из киевского «Бейтара» запевают на иврите. Я не знаю слов, но мотив сразу захватывает серое пространство, заглушая поросячий визг напиральной толпы.

...Иерушала-и-и-м шель зах-а-а-в!..

Сзади подходят двое из охраны съезда, у одного – красно-черная повязка «анарха», у другого – «желто-блакитная», руховская. «Вы бы, Павел, отошли назад, в случае чего, все ж возраст у вас», – говорит руходец». У меня возраст?

Хотя для этого мальчика, конечно... Неужели мой возраст уже не для драк? И меня оттесняют ребята из охраны... Так и осталось это мгновение – нарочитая беспомощность «ментов», звериный оскал толпы и стоящая плотно стенка молодых парней.

Сине-белое, красно-черное, желто-голубое... Это не было возможно никогда раньше.

Это не повторится никогда потом. Но это было!

Семь! На проводах был только один мой русский друг... Нет, мы никогда не были друзьями, но в моей последней экспедиции он почему-то часто оказывался рядом. Как будто чувствовал, что я прощаюсь с прежней жизнью. О таких, как он, вспоминают, когда их нет рядом. Его прозвали Джимми. Наверное, из-за шкиперской бороды... Он бежал за уходящим вагоном и кричал: «Вызов! Вызов мне пришли! Я не

хочу здесь оставаться... Иерусалим...

Хоть краем глаза...»

Так и осталось в памяти – темный, уходящий назад перрон и бегущий Джимми...

Я уехал один. Мой выросший сын не уехал со мной. Мои женщины забыли меня.

Я вошел в другой мир одиночкой, и одиночкой крутился в этом новом мире, чтобы выжить. У меня не стало любимой работы. У меня не стало своего угла. Я должен был забыть мой прежний язык, который никто здесь не понимал. Я должен был забыть все мои прежние жизни, ибо здесь это никого не интересовало. Я брался за любую работу и никогда не спорил с моим хозяином. Моим хозяином... Моим хозяином... Я забыл, какого цвета бывает небо, я забыл, как пахнут морские водоросли. Я понял, как солнце бывает жестоким, а вежливая улыбка источает издевку...

Но я не роптал на судьбу. Ведь моя давняя мечта, мой золотой Иерусалим был где-то рядом. Только вот вырваться в него я никак не мог. Работа... работа... работа... Но я знал, что буду в нем, немного разгребусь с делами, со временем...

Восемь! На этот шук я забрел случайно. Говорили: ты что, шук Кармель – это же знаменитое место, это надо видеть, слышать, и купить можно дешево. Мне и надо было немного фруктов, в конце дня даже бесплатно, торгаши выбрасывают с прилавков...

И тут я внезапно увидел пару. Оба были такие белые, сра-

зу заметно, что здесь недавно...

...Но все дело было в нем, в этом здоровенном смуглом торгаше и его товарищах... Все они весело ржали. А ржать было над чем. Очевидно, женщина решила купить белье и спросила о чем-то торгаша, а тот, пользуясь незнанием и беззащитностью этой молодой красивой «руссии», внаглую, открыто лапал ее на глазах растерянно улыбавшегося мужа, делая вид, что примеряет какие-то тряпки. Вокруг хохотали, оскалив белозубые здоровые рты...

И я пошел прямо на него, на этого кабана, не понимая еще, что со мной творится, и голос моего далекого тренера, Сан Юрьича, проорал в ухо: «Нырни! И боковуху раз-з!»

И я-таки нырнул...

Я помню, как вокруг сразу стало тихо, и в этой тишине громадная туша, плавно сшибая с прилавков тряпки, овощи, сласти и прочая, приземлилась в грязь... И это было легкое и замечательное мгновение...

Я сижу и смотрю на небо. Где-то рядом мой золотой Иерусалим. Всего час езды автобусом. Хорошо птицам, у них это без проблем. Но ведь если очень захотеть... Я слышал или читал давно, что возможно. Только надо очень захотеть... Как это называется?

Левитация? Или что-то такое... Господи, помоги мне!.. Только бы посмотреть один раз...

Золотой Иерусалим... Но что это? Ноги мои... Плывут по воздуху?! Я шагаю, черт возьми!

Вот оно, пространство... Мои марокканцы смотрят снизу, и глаза их под покатыми лбами восторженно стыннут... А решетки? Ведь их как бы и нет? Нет! И синий воздух вокруг...

Ха-ха! Вот он, дурак, пялится вниз и фуражка свалилась... Не лапай кобуру, бесполезно! Привет миштаре всего мира! Я же натурально лечу! Это уже у Шагала было... А? Значит, не соврал старик... Ух, высота! И не страшно...

Я вижу его, мой золотой Вечный Город! Потому что в этом мире нет ничего невозможного, надо только очень захотеть! Вот оно, мое счастливое мгновение...

Стрельба из пистолета по движущейся цели

...Сегодня, придя со смены, долго не мог успокоиться. Да и было с чего. Чтобы прийти в норму, вылакал граненый стакан водки, чего раньше себе не позволял. И никак не мог расслабиться. Все внутри дрожало. Нет, это не был страх, это было что-то **другое**. Похоже на состояние перед выходом на ринг.

Произошло со мной то, что и должно рано или поздно произойти с любым охранником в Израиле. А именно – безвыходная ситуация, когда по всем законам охраны объекта, неважно, под охраной у тебя отдельный человек или целое кафе со всеми посетителями, ты должен стрелять в террориста и формальное право на стрельбу у тебя есть, но... Вот эти проклятые «но»!

На всех моих зачетах по стрельбе в бат ямском тире (а было этих зачетов за десять лет у меня немало) наш мадрих¹¹ Симон любил говорить:

– Этот экзамен, что вы каждый год сдаете, – это все ерунда. Вы стреляете по **неподвижной** мишени! – И он сурово осматривал стоящих перед ним в шеренгу охранников, большей частью пожилых «русских», старавшихся вникнуть в его

¹¹ Мадрих – (ивр.) – тренер, наставник, начальник.

гортанно-клокочущий иврит. – По неподвижной мишени! И дистанция у вас – двадцать шагов! А вы не можете толком попасть в центр мишени! Что это такое? А в боевой ситуации? Хас ве халила!¹² В боевой ситуации ваша цель – террорист, не будет стоять на месте. Он будет – что? Правильно. Он будет двигаться! И он будет двигаться на вас! У террориста, у шахида, какая цель? Проникнуть на объект и взорваться! А какая цель у охранника? Остановить его. Любой ценой. Так что в жизни стрелять вы будете по движущейся цели! А в тире вы не попадаете в неподвижную мишень! Так, хэвре!¹³ Разбирайте патроны и будете стрелять, пока не посинеете! А то не получите зачета».

Но самое интересное начиналось уже после того, как мы, пожилые охранники, одуревшие и оглохшие от четырехчасовой пальбы в маленьком, душном помещении, и сдавшие этот ежегодный треклятый экзамен, ожидали получения заветной «корочки», подтверждавшей наше право на ношение оружия. Мадрих обычно собирал нас в тесной комнатке-предбаннике и начинал, как он говорил, **правовую** подготовку.

– Ну, а теперь я дам вам пару практических советов, – говорил он обычно, – Вы знаете, что нельзя применять оружие в закрытом помещении, ибо возможен рикошет пули от каменной стенки. Нельзя открывать стрельбу в месте скопле-

¹² *Хас ве халила!* – восклицание, означающее «Не дай Бог!»

¹³ *Хэвре* – компания, здесь – друзья.

ния людей, можно попасть в постороннего человека. Нельзя также стрелять в подозрительного человека, если вы не уверены в том, что этот человек – террорист и собирается взорваться. Вы спросите меня (и часто спрашивают), что делать в этих случаях? По закону вы можете пытаться остановить его окриком, скомандовать – «стой» и «не двигаться». Если не подчинился, тогда стреляй в воздух.

– Ну, а если он и тогда не остановится? – ехидно спрашивал кто-либо из экзаменуемых. – Что тогда делать?

Этот вопрос задавали всегда, на каждом экзамене, ибо это самый больной вопрос израильских охранников. Вопрос, торчавший больным зубом у каждого, кто когда – либо стоял с оружием у входа в школу, банк, супермаркет, кафе, кино-театр или Центральную автобусную станцию. Что делать, если подозреваемый тобой человек ведет себя нестандартно в стандартной ситуации? У всех на памяти был печально знаменитый случай с «русским» охранником религиозной школы, открывшим огонь на поражение по не реагировавшему на окрик наглецу и загремевшим в тюрьму на десять лет за «непредумышленное убийство».

Наш мадрих, в прошлом «расар»¹⁴ спецназа «Гивати», отвечал всегда четко, нимало не колеблясь:

– Хэвре! Вы отвечаете не только за себя, но и за жизнь охраняемых вами людей. Поэтому действовать надо по обстановке. Что это значит? Это значит, что лучше сидеть жи-

¹⁴ *Расар* – сокр. *Рав-самаль-ришон*, воинское звание – старшина.

вому в тюрьме, чем лежать мертвому на кладбище.

При этом он многозначительно подмигивал нам и добавлял:

– Я вам ничего не говорил. Ясно? Но помните, в боевой ситуации ваша цель будет двигаться! Двигаться на вас. И стрелять вы можете только до расстояния в двадцать шагов! Двадцать шагов до цели! Если будет ближе, то это уже бесполезно. Потому что после двадцати шагов все осколки, все гвозди и шурупы полетят в вас!

И вот с этими, вбитыми в мой мозг «практическими советами» я и стоял на входе в наше здание со странным названием «Африка – Израэль» сегодня в утреннюю смену и радовался, что мне повезло не работать в ночь, и погода такая не по зимнему теплая, и небо голубое... Все было хорошо. Даже слишком хорошо в это утро.

Я наслаждался утренней тишиной, прозрачно-голубым небом, чистым воздухом утреннего Тель-Авива, до моего слуха доносился шорох колес редких машин и воркотня диких голубей на вымытой легким ночным дождем площади перед нашей «высоткой». Но вот уже первые работники многочисленных офисов потянулись к дверям главного входа, и очень скоро хлынет сюда толпа сотрудников и клиентов, и начнется обычный суматошный день.

Я машинально взглянул на часы. Без десяти восемь... И тут что-то заставило меня внутренне напрячься. Я даже не сразу сообразил, что. Какое-то неуловимое изменение в

окружающем пространстве. Некое нервное движение. Первое, что я заметил, точнее, **услышал** – шедшие к охраняемой мной двери люди почему-то резко затормозили. Изменился ритм шагов. А дальше все развивалось, как в замедленном кино...

Одновременно я **увидел**... Как шедшие к входу в здание «датишный»¹⁵ в черной шляпе, лапсердаке и смешных чулочках на тонких ногах и роскошных форм секретарша одного из наших адвокатов, в очень смелой мини-юбке, резко затормозили, как бы зависли в утреннем туманном воздухе. А перед моими глазами обозначился девичий силуэт, закутанный в длинное черное одеяние, в темном платке, наполовину закрывавшем лицо... Арабка! И, конечно же, мусульманка! Таких я видел в Нацерете, в последнее время такие все чаще встречаются в Яффо... христианки так не одеваются... Двигается по направлению ко мне. Ее губы что-то шепчут... Что это? Молитва? Она молится. Что ей нужно здесь, в центре Тель-Авива в такое время? Она приближается... Черт! Если молится, значит... Террористка? Рука скользит к правому боку, там, где пистолет... Рукоять сама ложится в ладонь... Сколько осталось до надвигающейся фигуры? Двадцать пять? Двадцать? Как быстро она идет! Надо стрелять! А если показалось? Если она просто идет куда-то... Все! Уже поздно! Пятнадцать... Десять! И вот она стоит передо мной! Темные большие глаза смотрят в упор.

¹⁵ «Датишный» – религиозный ортодокс.

Губы шевелятся... Она что-то говорит мне, а я не понимаю. Говори громче! Взгляд ее темных красивых глаз. В них испуг. Немая просьба. И... еще что-то. В их глубине. Страх? Ненависть? Что она говорит? Я не понимаю арабский! Она повторяет. – «Еш кан хевра бишвиль нашим мукот?»¹⁶ Тьфу! Это же иврит! «Нашим мукот». Это какая – то контора по делам избиваемых жен! И застывший было окружающий мир, обрушивается на меня водопадом звуков. Звуков просыпающегося города – шумом машин и автобусов, стуком дверей магазинов, грохотом мусоровозки, криками грузчиков, разгружающих хлеб в соседнем магазине... Она что-то говорит и смотрит на меня огромными тревожными глазами. Нет, милая, такой конторы в нашем здании нет. А где есть? Не знаю. Но мне сказали, что это где-то здесь. Возможно, но не здесь. Адрес есть? Да, улица Генриетта Сольд, двадцатый номер. Это направо и до пересечения с параллельной улицей. А есть здесь кафе? Да, есть, за углом. Спасибо... Иди направо... Уф!

Она уходит от меня какой-то неуверенной походкой, плавно покачивая бедрами. На ходу оглянулась через плечо. Вот свернула за угол. Люди на тротуаре начинают двигаться по направлению к входу в здание. Окружающий мир возвращается в норму. Звуки... Краски... Запахи. Рука моя сползает с рукоятки пистолета. Автоматически проверяю сумки

¹⁶ «Нашим мукот» – в Израиле фирма, оберегающая права избиваемых мужьями жен.

заходящих в здание людей, а сам чувствую, как по спине стекает пот. И всю смену работаю, как в тумане. Все мышцы тела как – будто налиты свинцом. На вопросы отвечаю автоматически. В обеденный перерыв вкуса еды не чувствую.

И только придя домой и став под душ, постепенно оттаиваю от напряжения. Опрокидываю в себя стакан водки. Но доза спиртного не расслабляет. Внутри присутствует ощущение какого-то ледяного стержня. Надо было что-то с этим делать, и я занялся чисткой и жаркой картошки, вспомнив один из советов моей покойной тети Риты: если немедленно не можешь решить назревшую моральную проблему – поработай руками. Работая руками, одновременно вливаю в себя второй стакан. На голодный желудок – нехорошо. Но помогает. Тело расслабляется. В голове появляется философская легкость мыслей.

Ну, и что же **хорошего** мы видим вокруг себя? И когда наступит всему этому конец? Вот сегодня мы стояли с ней, с этой молодой арабкой, напротив друг друга, и у меня возникло ощущение, что весь остальной мир замер вокруг нас, застыл. И жили в этом мире только мы, два полюса, два антипода, плюс и минус, и ждали... Чего? Что между нами вспыхнет разряд невиданной мощи, уничтожающий все вокруг? Смерти? Вечной жизни? В ее красивых глазах читался страх, надежда, мольба. И еще. Ненависть. К современному красавцу-городу, возникшему на песчаных дюнах сто лет назад. Ко всем этим евреям, виноватым в том, что ее избивает

муж и жизнь окрашена только в черные краски. Ко мне, пожилому «русскому» охраннику, преградившему ей дорогу к большому красивому зданию, где работают кондиционеры, и так вкусно пахнет хорошо заваренным кофе и свежими булочками из работающего в этот ранний час кафе.

Кто разрешит этот трехтысячелетний спор между кровными братьями?

Кому из людей это под силу? Или это под силу лишь Творцу этого мира? Мира, в основе которого лежит кровная вражда между братьями. Каин и Авель. Ицхак и Ишмаэль. Иаков и Эсав. И так оно и будет длиться до конца времен. Пока последний человек не исчезнет с лица Земли.

Мои философские мысли прервал назойливый звук скворчащей на сковородке картошки, и я тут же почувствовал волчий позыв моего изголодавшегося желудка. Ну, если голоден, значит, еще поживем! Вывалил жареную картошку в глубокую тарелку, быстро порезал большой сочный помидор, опрокинул в себя третий стакан водки (имею право!) и с наслаждением погрузился в трапезу, ощущая все своим существом, что все же **живу**. **Живу** в этом неудобном и мало-пригодном для жизни мире. Живу вопреки страстному желанию меня уничтожить.

Я вдруг понял коренных израильтян, упрямо идущих в кафе, рестораны и торговые центры через несколько часов после терактов. Вот вы нас взрываете, а мы все равно будем веселиться, наперекор вашей ненависти!

Ничего не поделаешь, надо жить дальше. «Дум спиро – сперо». Я забросил грязную посуду в раковину (мыть не хотелось) и расслабленно рухнул на диван. Автоматически включил «телек». На экране было шумно, по «русскому» каналу показывали очередной «бандитский» сериал со стрельбой и погоней. Актеры ненатурально гримасничали и картинно размахивали «стволами». Вас бы сюда, к нам, в нашу ближневосточную кашу. Я выключил телевизор, и сразу стало тихо. Потолок медленно закружился в вальсе, зазвучала в ушах музыка и, уже погружаясь в сон, вспомнил закутанную в темное одеяние фигурку арабки, ее красивые глаза, смотревшие с укором, припудренный синяк на лице: «А все же хорошо, что я не стал стрелять. По движущейся цели. Не дай Бог, чтобы пригодилось это страшное умение – умение убить человека».

Путешествия странного человека (рассказы о господине Н., о его удивительных приключениях в России, Израиле и иных местах)

Глава первая Интродукция

Большинство живущих в этом мире людей уверены, что они живут на свете лишь определенный отрезок времени, а именно: только здесь и сейчас. Более того, есть целые философские направления, которые доказывают доверчивым прожигателям и проедателям жизни, что это именно так и есть, и нет никакого прошлого и будущего, а лишь длящееся настоящее.

Человек просыпается утром, идет в туалет, чистит зубы, варит себе кофе. Потом завтракает и одновременно смотрит в окно, глядя на просыпающийся мир. Потом он едет на работу, нервничает в «пробках», на работе ругается с подчиненными или получает «втык» от начальства, звонит жене или любовнице. Возвращаясь с работы, заезжает в ближайший супермаркет за покупками, забирает детей из школы

(если они у него есть), вечер проводит в кругу семьи или же в объятиях подруги, смотрит телевизор и, наконец, засыпает, чтобы назавтра повторить привычный круговорот. И не замечает, как проходит жизнь. Но однажды, особенно если привычная рутина прерывается каким-то странным или трагическим образом (предательство друга, смерть родителей, измена жены с последующими скандалами и неизбежным разводом), что-то ломается в видении человека, в понимании им жизни. И вот он пугается своего открытия и начинает что-то судорожно искать, то ли в себе, то ли в окружающем мире.

Он начинает искать **истину**. Сначала – в умных книжках, потом – в священных текстах разных религий. Но умные книжки написаны такими же людьми, а священные тексты недоступны пониманию из-за своей метафоричности и архаичности, все это требует особых знаний и подготовки. И тогда человек, с подступающим к горлу отчаянием, пытается **вспомнить** что-то важное, что открывалось ему когда-то в детстве, в юности или... когда? И внезапно к нему приходит понимание, что его жизнь – это путешествие. Что он всего лишь скиталец, странствующий в разных мирах, проплывающих мимо, и ничто, к сожалению, не повторяется. Мир детства... мир отрочества... юность... молодость... зрелость.

Что же было там необычного? Ведь было же что-то, что осталось навсегда в памяти... Как путешественник, что привозит из дальних странствий какой-то сувенир, игрушку из

цветного стекла, розовую морскую раковину или резную деревянную маску и ставит их на полку, так и от путешествий во времени остаются следы. Воспоминания... Сны... И странное, горькое ощущение чего-то **Несбывшегося**.

Ведь каждому, даже самому на вид примитивному и грубому человеческому существу свойственны, особенно в начале жизни, мечты о своем будущем. Ребенок или юноша грезит о подвигах... О доблести, о подвигах, о славе... О любви к прекрасной женщине... О невероятных приключениях...

И плывет человек по океану жизни, из страны в страну, из мира в мир. И уносит с собой обрывки событий, воспоминаний, фантазий... Но все складывается не так, как мечталось, и нет времени исправить, и прошлое растворяется, как след от винта за кормой корабля. И горькое ощущение того, что **могло** случиться, но... не сбылось...

И только на пороге старости, на грани сна и яви, тихими шагами вступает в свои права и сверкает радужными красками то недостижимое, непостижимое и таинственное, как гавань неоткрытой человечеством земли – Несбывшееся.

Израиль. Бат-Ям. (август 2004 года)

Некий пожилой господин (будем называть его для краткости – господин Н.) проснулся с довольно тяжелой головой в пустой квартире от того, что луч закатного солнца, про-

бившись сквозь жалюзи, вонзился ему в правый глаз. Еще находясь во власти сна, он недовольно заворочался, силясь уйти от неприятных золотистых иголок, пронзавших плотно зажмуренные веки, но эти бесполезные усилия привели лишь к тому, что он окончательно проснулся. Отбросив ногой простыню, полежал несколько минут спокойно, приходя в себя, медленно возвращаясь в действительность. В комнате было душно, (кондиционера в съемном жилище не было), а напольный вентилятор помогал мало, гоня нагретый воздух безо всякого толка. Употребив некоторое усилие, пожилой господин все же отодвинулся от нахального закатного луча в более прохладную часть своего ложа и попытался вспомнить, что же ему приснилось перед пробуждением.

Ему уже давно не снились сны. Пожалуй, с самого отъезда в Израиль. А тут, вдруг... Сон же был какой-то тревожно-скверный. Господин Н. пытался вспомнить детали, но... перед мысленным взором вяло раскручивалась некая серая мусть. Потом... в этой мути забрезжило нечто... Густозеленая ветка над головой... Ветка качается под ласковым прохладным ветерком. Ветка клена, растущего рядом с верандой... Он лежит на раскладушке, над ним деревянный потолок... лампочка свисает на скрученном шнуре... сбоку налезает густая зелень ветвей клена и, сквозь листья, – кусочек голубого летнего неба. И голоса... Знакомые, родные голоса. Нет, он не видит их лиц. Но они рядом. Вот тетя Рита поет арию из классической оперетты. Серьезная женщина, а

любит почему-то веселые оперетты: «... Ча-астица черта в нас заключена подчас!..» – она всегда поет, когда работает в саду. Голос бабушки Фимы... давно забытый голос из прошлого:

– Вставай, Сенечка... совсем заспался... Вставай завтракать! Я испекла твои любимые рогалики! Поднимайся!..

И вот он уже за столом. Грубый деревянный стол накрыт в саду. Свежая белая скатерть с вышивкой по краю... А на столе красивые синие чашки для чая, желтое деревенское масло в масленке толстого синего стекла, залитое холодной водой, мягкий финский сыр на тарелке, открытая баночка со сливовым джемом, домашние пирожки с капустой и, конечно же, бабушкино кулинарное чудо: горячие румяные рогалики, посыпанные сахарной пудрой и измельченным грецким орехом. И вот он тянется ручкой к этим аппетитным рогаликам, хочет взять с тарелки... но какая-то странная, незнакомая тетя, непонятно откуда взявшаяся за этим семейным столом, выхватывает тарелку с бабушкиными рогаликами у него из-под носа и смеется, нехорошо скалится железными зубами (у нее полный рот этих сверкающих зубов) и говорит вкрадчиво:

– А ну-ка, дотянись, ма-альчик. Потрудись сначала, побегай!

И он, чувствуя себя совсем маленьким и беспомощным, зовет бабушку, маму, тетю Риту, но их почему-то уже нет за столом, а какие-то чужие люди вокруг... И все хохочут над

ним, скалят зубы, кривят рожи:

– Догони, догони!

И он, слабый малыш, вскакивает в отчаянии, бросается на тетку с железными зубами... Та, хохоча, убегает от него гадкой рысцей... И вдруг, на бегу, лихо взмахивает блюдом, и рогастики разлетаются во все стороны! Далеко и вверх!

А вокруг уже не сад, а огромное пространство, заросшее кустами и деревьями, и он все бежит, бежит за железнозубой обидчицей, отнявшей у него рогастики... Он бежит все быстрее и быстрее, и вот уже кончился этот громадный дикий сад, и бежит он по грязной, раскисшей от дождей дороге. По сторонам густой лес и столбы с проводами, и холодный ветер подгоняет в спину, и серый дождь больно сечет по затылку, и понимает он, что не догонит злую тетку, и не будет больше у него никаких вкусных рогастиков. А есть отныне вот эта дорога, холодный ветер и дождь...

...Господин Н. еще посидел немного на нагретой солнцем тахте, приходя в себя после тяжелого дневного сна. Помотал головой, отгоняя приснившуюся ерунду.

«Надо же, – подумал он, – столько лет ничего не снилось. А тут... рогастики! Чушь какая-то».

Он посидел на тахте еще некоторое время, повторяя про себя это странно звучащее слово: «Ро-га-лик...» Покатал на языке: «Ро...ро...ро...га...га...лик». Такое жесткое вначале, как рычание потревоженного зверя: «Р-ро-о...».

И следом, радостное, всеобъемлющее, восторженное: «Га-

а-а!»). Как эхо в горах. И в конце – мирное, закругляющее, и в то же время торжественное: «Лик!»).

«Какая глупость, – подумал он. – Что это со мной? Как будто в первый раз слышу. Ро-га-лик... Нормальное слово. Но почему оно кажется мне таким незнакомым? Как слово чужого языка?»

Он еще раз попробовал языком это, показавшееся таким **чудным** слово, и... тут, что называется, накатило! Сначала сжало спазмом горло, до боли, как при ангине. Он попытался загнать эту внезапную боль в себя, вовнутрь. Но боль раздражала горло, и... заволокло глаза, окружающее пространство расплылось молочным туманом. Он охватил ладонями лицо, удивившись, как оно мокро и небрито, приступ неудержимого, постыдного плача сотряс его плотное, грубое, в складочках жира, волосатое тело.

Боль ушла, стало легко, но он никак не мог остановить этот внезапный, какой-то совершенно детский, плач.

«Господи, что же это со мной? – спрашивал себя господин Н., пытаясь унять сотрясавшие тело приступы рыданий. – Откуда это? Почему?» – все повторял он, стискивая ладонями лицо, как бы силясь загнать непрошеные слезы обратно, внутрь крепкого коренастого тела, так верно служившего ему долгие годы. Он гордился тем, что был совершенно непробиваемым все это время, пока жил в эмиграции. Пятнадцать лет толстокожесть спасала его от постоянных обманов, мелких обид и крупных подлостей этого нового, чуж-

дого ему мира. Да и в прежней, доэмигрантской, жизни он был достаточно закален против обрыдлой, подлой действительности...

Детство закончилось рано. Так уж случилось, что родители его ушли из жизни неожиданно быстро. Он даже не успел осознать внезапный момент своего одиночества. Вырастила его тетка, мамина родная сестра. Своих детей у тети Риты не было, муж умер вскоре после войны. Вот от нее-то будущий господин Н. и научился этой спасительной непробиваемой жесткости.

– Не ной! – поучала его тетка. – Нечего нюни распускать! Кому ты будешь нужен такой рассопленный? Запомни – слабые не любят! Над ними все потешаются, и никто им не помогает! Нос тебе разбили? Утрись и пойди сам разбей! Жидочком обозвали? Двинь как следует! А-а, он сильнее тебя? Возьми палку, камень в руку и бей в ответ. А мне жаловаться не смей. И этих слез, чтобы я не видела!

Тетя Рита не была, разумеется, ни черствой, ни злой, просто она работала хирургом в Басманной больнице, оперировала по восемь часов в день, и ей было не до сантиментов. Да и три года, проведенные на войне в полевом медсанбате, не способствовали смягчению ее характера. Она часто срывалась на будущего господина Н., который в детстве отзывался на имя Сенечка (тетя Рита звала его сурово, по-мужски, – Семен), порой бивала ремнем, но, благодаря ее жесткому воспитанию, он и приобрел дубленую шкуру, не раз

выручавшую его в житейской борьбе. Потом, когда суровой тетки не стало, он часто вспоминал ее с благодарностью за науку выживания, и раз в году, 9-го мая, приезжал на Донское кладбище помянуть покойницу и дать кладбищенскому сторожу десятку, чтобы поухаживал за могилой. Мать с отцом и старики его были похоронены в другом месте, замурованы в серую стенку колумбария, и, хотя от их пребывания в его жизни в памяти осталось лишь размытое временем ощущение тепла и доброты, к ним он ездил все-таки реже: серая бетонная стена с маленькими округлыми фотографиями отталкивала своей равнодушной безнадежностью. Было что-то нелюдское в таком способе погребения. А вот на могилку к тетке Рите он ездил охотно, подолгу сидел возле поросшего молодой травой холмика с серой мраморной плитой, пил водку из металлической плоской фляжки, смотрел на врезанную в серый камень фотографию тети Риты в военной форме с капитанскими погонами и двумя белыми медалями на гимнастерке.

Перед самым отъездом в Израиль он навестил свою бывшую семью: жену Светлану и двоих, уже достаточно взрослых, детей, Стаса и Таньку. Привез им «наследство» от деда с бабушкой: роскошные старые альбомы по искусству, книги по истории государства Российского, собрания сочинений русских классиков (теперь таких не достанешь!), старый потрепанный альбом семейных фотографий и, как он тогда выразился, «историческую память» от отца, Сергея Ивановича,

которого сам помнил плохо: два ордена Красного знамени и кучку обгорелых документов (на военном заводе, где тот работал, произошел взрыв, и он, в прямом смысле, сгорел на работе). От мамы, Доры Исааковны, фамильный стетоскоп, пожелтевшую фотографию в металлической рамке и маленькую шкатулку из какого-то южного дерева, в которой лежало ее обручальное кольцо, ожерелье темного балтийского янтаря и медали «За взятие Праги» и «За победу над Германией». А от тети Риты – ту самую, любимую ею, гимнастерку с капитанскими погонами и боевыми наградами. Бывшая супруга Светлана как-то по-бабьи всплакнула, отпрыски вытянулись и посерьезнели при виде «наследства», а господин Н. тогда довольно сурово произнес:

– Ну, вот. Уезжаю. Извините, если что было не так... И... п-рошу... навещайте могилы деда с бабкой... ну и бабушку Риту тоже. – И дети, разумеется, согласно покивали, а Светлана успокоила, мол, конечно, как же, не волнуйся, помянем обязательно, а ты нам пиши, как там устроишься.

И потом, когда он уже собрался уходить, вдруг сказала:

– А может, не стоит сейчас уезжать? Смотри, все же у тебя сейчас сдвинулось с мертвой точки: и работа появилась приличная, и рассказ твой в «Искателе» напечатали, и... вообще... страна меняется...

В Светкиных глазах тогда стыло запоздалое раскаяние и какое-то совершенно русское, тоскливое бабье одиночество. Но господин Н., захваченный в ту пору каким-то всеобщим

сумасшедшим еврейским порывом к бегству из еще совсем недавно стабильной России, пробормотал что-то маловразумительное насчет «родины предков», «национальной памяти» и, похлопав своих довольно рослых отпрысков по плечам и чмокнув бывшую «половину» по-братски в щечку, отбыл из Шереметева в Вену.

* * *

...Господин Н. сидел на остывающей от дневного жара тахте и вспоминал все это совершенно некстати, так как именно сегодня у него не было ночной смены, и он должен был встретиться со своей дамой, провести с ней хороший вечер, а если повезет, и дочка этой дамы не приедет на «соф шавуа»¹⁷ из армии, то и не менее хорошую ночь. Даму же эту, с хорошим русским именем Валентина и вполне славянской внешностью, господин Н. очень ценил, ибо она, в отличие от прежних подруг, попадавших в его постель, относилась к нему по-человечески. Да-да, именно так про себя он называл ее отношение. Такие слова, как «люблю», «обожаю» и проч. он давно уже отверг, как лживые и ничего не означавшие. Такие слова можно говорить, не задумываясь, чтобы получить свое. Он и сам их произносил когда-то своим подругам, и ему их говорили в ночной темноте, после страстного ше-

¹⁷ *Соф-шавуа* – конец недели (ивр.).

пота и любовных стонов.

Но вот когда Валя-Валечка звонила ему на «мобильник» и своим молодым, совсем девичьим голоском узнавала не принести ли ему на работу (он работал охранником в «высотке», в центре Тель-Авива) домашних котлет или сырников, или просто так, весело спрашивала «Как дела, мужичок?», внутри у господина Н. оттаивал привычный ледок, становилось уютно на душе, и он бодрым голосом отвечал что-то вроде «Ничего, Валюха, дела, как сажа бела, пока дышу надеюсь», и прочее в таком же духе.

«Да, ничего не скажешь, повезло мне с Вале́й, думал господин Н., – по сравнению с предыдущими моими «ляльками», что российскими, что местными, израильскими...»

Прежние его дамы, включая и жену Свету, видели в нем сначала крепкого, накачанного парня, с коим хорошо в постели, затем, если «дело выгорало», надежного мужа-добытчика или же толкового и непритязательного любовника. Он был, что называется, **положительным**, никогда не спорил из-за денежных трат своих дам и в постели не требовал противоестественных услуг. Но именно эта его положительность и приводила в итоге к тому, что дамы внезапно начинали капризничать, скандалить и требовать от господина Н. бог знает чего. Все это заканчивалось весьма печально: либо гну Н. указывали на дверь, либо он сам, не выдержав мелочных скандалов, уходил, оставляя даму в растерянном недоумении.

Но с Валентиной все вышло иначе. И знакомство их было совсем не романтическим. Его приятель, бухарский еврей Миша, с коим вместе охраняли торговый центр в Тель-Авиве, как-то предложил ему посетить некий «институт здоровья», а попросту говоря, подпольный бордель.

«Почему же «подпольный»? – удивится знакомый с местными реалиями читатель. – Ведь в Израиле такие заведения функционируют вполне открыто».

Нет, дорогой мой читатель, речь не идет о многочисленных «махонах бриюта»,¹⁸ что светятся разноцветными лампочками в районе старой автобусной станции, или темных переулках квартала Флорентин,¹⁹ где трудятся нелегалки из стран СНГ или же представительницы южной Азии.

В дорогих районах большого Тель-Авива существуют десятки частных квартир, где принимают гостей в свои объятия жрицы любви совсем другого сорта. Каким образом туда смог проникнуть лихой «бухарец» Миша, так и осталось загадкой. На все расспросы господина Н., Миша лишь разнообразно и хитро подмигивал и неизменно отвечал:

– «Паслюший, Шимон, какой тэбэ разныця? Кырасывый бабы есть? Есть! Выпивка есть? Есть! Сто долларов платы – выеешь удаволствия всю ночь!

Что ж, в его нынешней холостой одинокой жизни выби-

¹⁸ *Махон бриют* – буквально – институт здоровья, попросту – бордель (ивр.).

¹⁹ «Шхунат – Флорентин» – район южного Тель-Авива, где находится много увеселительных притонов (ивр.).

рать не приходилось, да и в тайном «частном» борделе все же работают женщины другого уровня, и меньше шансов заразиться всякой дрянью. Тем более, что господин Н. к тому времени уже полгода, как разругался со своей прежней подругой и жил один. «Сто долларов – четыреста пятьдесят шекелей, – прикинул он про себя, – десятая часть месячной зарплаты. Ну, да ладно. Если пару раз в месяц сходить для здоровья к одной и той же девочке, девятьсот шекелей... Многовато, но ничего, подежурю пару-другую суббот, компенсирую». В Израиле он стал скуповат и привык считать деньги, чего раньше, в России, за ним не водилось. Он снимал «полуторную» квартиру один, за 400 долларов в месяц. Многовато для одиночки, и район – так себе, но брать компаньона на съем не хотел категорически, так как и в молодости-то плохо сходился с людьми, а уж, разменяв «полтинник», и подавно не хотел делить жилплощадь с чужим человеком.

Он часто вспоминал их первую встречу где-то в районе Университета, на частной квартире, где, казалось, каждый угол был пропитан томительным и обещающим многое восточным развратом. И... она появилась, возникла перед ним в полумраке маленькой комнаты, где темно-бордовые тона мебели и стен и крутящийся под потолком блестящий шарик только подчеркивали белизну ее сильных, полных округлостей. Черные чулочки с блестками, прозрачная распашонка, наклеенная улыбка яркого полного рта, бьющий в глаза макияж – все эти атрибуты готовой к безудержному сек-

су проститутки, не могли заслонить от внимательного взгляда господина Н. ее больших серых славянских глаз и разлитой в них какой-то, специфически российской, тоски. Вот эта грусть и смутила его тогда, пришедшего в этот тайный притон, разогретого коньяком, распаленного желанием доступной «любви». Но этот ее серый тоскливый взгляд, ее скуластое, совершенно российское лицо, это русое густоволосье, рассыпавшееся по полным сильным плечам... Все это так не вязалось с черным прозрачным нарядом и размалеванным ртом шлюхи... И вместо того, чтобы завалить ее на тахту, господин Н. внезапно смутился, как старорежимный гимназист шестого класса, и окончательно приуныл, почувствовав, что его «верный друг» увял, и взбодрить его вряд ли удастся. Но она, Валечка, поняла, почувствовала тогда его состояние, и так нежно, деликатно поговорила с ним о каких-то пустяках, убрала в комнате лишний свет, выключила дурацкую музыку, и в полумраке, шурша чулочками, так настроила г-на Н. на нужную волну, что он внезапно бешено овладел ей и тут же, опустошенный, рухнул рядом, а она счастливо смеялась и утешала его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.